

ФРИДРИХ ГОРЕНШТЕЙН

**ПО КОМУ ЗВОНИТ
КОЛОКОЛ**

**Трактат -памфлет
о жизни и смерти
Божьего мира...**

И

Ближневосточного мира

**Нью-Йорк
2002**

CAOBO
WORD

ФРИДРИХ ГОРЕНШТЕЙН

**ПО КОМУ ЗВОНИТ
КОЛОКОЛ**

**Трактат- памфлет о жизни и смерти
Божьего мира ... и Ближневосточного
мира**

**Нью-Йорк
2002**

**FRIDRIH GORENSHTEIN
PO KOM ZVONIT KOLOKOL**

**ФРИДРИХ ГОРЕНШТЕЙН
ПО КОМ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ
Трактат -памфлет о жизни и смерти
Божьего мира... и Ближневосточного мира**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
СЛОВО-WORD
PUBLISHER:
SLOVO-WORD**

**Publishing House
139 East 33rd Street #9M
New York, NY 10016
Tel: (212) 686-0199
U.S.A.**

**Copyright ©2002 by Publishing House "Slovo-Word"
and Fridrih Gorenshtein**

Computer design and layout by Rudolf Furman

**Library of Congress Cataloging Number:
2002105306**

ISBN: 1-930308-45-0

Printed in USA

Глава 1

Трактат имеет два значения. В одном значении это научный труд, подробно рассматривающий какой-либо отдельный вопрос или отдельную проблему в сочетании и отношении с иными вопросами и проблемами. В другом же значении так называются некоторые международные договоры и соглашения. В частности, трактатом можно назвать соглашение в Осло по Ближнему Востоку. Памфлетом же называется произведение, осмеивающее в резко обличительной форме какое-либо лицо или группу лиц, а также какие-либо явления в общественно-политической жизни. Так что, на мой взгляд, памфлетность присуща как трактатному рассмотрению вопроса или проблемы, так и трактату международного договора в Осло, который составлен таким образом, чтоб посмеяться над теми, кто его подписал, а главным образом, над теми, кто в него поверил. Ныне происходящие события – тому подтверждение. Тем более, что ныне открылись тайные замыслы тех, кто подписал их с арабской стороны, а также их поклонников, имя которым – легион. Что хуже того, открылись тайные замыслы и иных мазохистствующих левых израильских миролюбцев, пусть не в крайней форме и пусть не официально, но в частных беседах и письмах. Я получил письмо из Израиля. Не думаю, что автор – исключение в определенных крайне левых израильских интеллектуальных кругах. Конечно, частные письма не следует обнародовать, но проблема слишком болезненна, проблема слишком общественна. Впрочем, поскольку письмо частное, автора я не назову. Прежде я к нему, автору нескольких книг по проблемам антисемитизма, относился хорошо за его всестороннюю эрудицию в этом вопросе. Правда, и прежде я чувствовал слишком уж большое упование автора в борьбе с юдофобством на юдофилов. А ведь верно замечено, что юдофил – это потенциальный юдофоб, ибо он относится к евреям, как и юдофоб,

как к чему-то особенному, чтобы не сказать, постороннему. Конечно, не у всех юдофилов такое отношение. Однако, кто борется с врагами сам, имеет против себя только своих врагов. Кто же надеется на чужие силы в этой борьбе, имеет против себя если не всех, то многих.

Итак письмо: *“Что же касается Израиля, он исторически обречен. Конфликт с арабами неразрешим, ибо в основе конфликта лежит религиозное противоречие. Маленький Израиль противоборствует с исламским миром. Мусульман два миллиарда, а евреев ... ? Вероятно после войны 73-го года вождям-книжникам Израиля стало ясно – удержаться нет никакой возможности. Время работает на арабов. И никакая атомная бомба их не остановит. И надо сыграть прощальную симфонию Гайдна как можно бескровнее. Агония Израиля будет продолжаться несколько десятков лет. Соглашение и снова война, опять соглашение и опять война. Всё подобно истории Иерусалимского королевства, просуществовавшего менее ста лет. Дело не в левых и не в правых, религиозных или светских. Дело в пресловутой патологической истории еврейского народа. Израиль обречен, но еврейский народ бессмертен. (“нецах”, “леницах” (ивр.) – вечность). Ибо так захотел Господь!”*

Вот такое письмо, эрудированное красотами этого израильского “хухэма”, напоминающее с надрывным артистизмом наёмный профессиональный похоронный плач профессиональных плакальщиц, которые хоронят еврейское государство. Но при том, еврейский народ объявляется бессмертным, ибо так захотел Господь. Мне кажется, в этой всемирности нечто зарыто, какая-то закорючка зарыта. Национальное еврейское государство этой всемирности непотребно, оно этой всемирности даже во вред. В этом чувстве безземелья, бездомной всемирности и суть, на мой взгляд, исторической патологии, породившей патологическую психологию, особенно у подобных моему адресату эрудитов – космополитов. В отсутствии чувства земли, неважно, малой или большой, малой земли ещё сильнее. Такое не напишет, такое не придумает ни один итальянец, ни один чеченец и т.д. Пусть умирает, исчезает Италия, пусть умирает, исчезает

Чечня, но итальянский народ бессмертен или чеченский народ бессмертен, ибо так захотел Христос или Аллах, или кто угодно. В этом пассаже обреченность еврейского государства, но бессмертие еврейского народа, будто бы по желанию Господа, вся квинтэссенция эрудированного бесстыдства, да и, попросту говоря, несмотря на эрудированность, научная фальсификация, а то и просто обычная безграмотность.

Я скажу больше и хуже. Гитлеровская пропаганда и антибольшевистская пропаганда утверждали, да и теперь нынешняя антисемитская пропаганда утверждает, что, например, в ЧК было много евреев. Это правда, факт. Но суть этой правды лжива. Суть утверждений в том, что эти евреи и прочие, им подобные, представляют еврейство. Как раз наоборот! Эти евреи – ренегаты, особенно враждебные еврейству. Турки брали греческих и сербских мальчиков и обращали их в мусульманство. Делали из них янычаров. Янычары эти были наиболее жестоки к христианам. Так вот, исходя из схемы, что янычары – это обращенные христиане, можно с тем же успехом утверждать, что янычары представляли интересы христиан. Если бы Гитлер захотел сформировать карателей и убийц из евреев-ренегатов, сколько дивизий можно было бы набрать, две – три, не хочу считать. Иные скажут, что это форма спасения собственной жизни за чужой счет. В общем геноциде это хитрая лазейка в оправдание. Но ведь и немецкие эсесовцы могут так сказать. И говорили, используя эту лазейку. Служба в лагерях уничтожения и в карательных отрядах приравнивалась к службе на передовой. Отказ являлся дезертирством и влек за собой смертную казнь. Фронтовых дезертиров, правда, не то, чтобы было много, но хватало. Но дезертиров с фронта уничтожения еврейства практически не было. Очевидно, подбирали определенные личности. Также и с еврейскими ренегатами. Достаточно вспомнить, что при погромах, которые были террором, а не геноцидом, еврейские ренегаты–выкресты принимали особое участие в убийствах. Ненависть еврея-ренегата к евреям очень велика. Русский убивает русского, как большевика или, наоборот, как антибольшевика. Немец убивает немца как коммуниста или как нациста. Возможно, существуют ка-

кие-то клинические случаи, когда русский убивает другого русского за то, что он русский. Но еврейское ренегатство это не единичный случай. Евреи-ренегаты убивали во время погромов других евреев, именно как евреев. Вот такая патология двухтысячной истории. Да, это крайность, это страшная крайность, но от этой крайности длинный переходной ряд метаморфоз, метаморфозных форм и идей, в конце которых... наряду с евреями-погромщиками и подобные эрудиты, проповедующие смерть еврейского государства, пусть не проповедующие, а пророчествующие. На мой взгляд, призыв к уничтожению еврейского государства и проповедь неизбежности гибели еврейского государств – это по сути одно и то же, а может быть и нечто худшее, по крайней мере, более изверское. Особенно в условиях враждебного, в значительной степени антисемитского внешнего мира. Это крайность где-то психологии личности, где-то психологического комплекса, который пережил гетто. Почитание внешнего мира, стремление угодить любой ценой внешнему миру – вот куда, в самую середину еврейской психологии уходят корни нынешней психологии израильских и вообще еврейских прогрессивных левых и прочих. Эта психология – наибольшая угроза еврейству. Большая, чем угроза антисемитизма. Ибо эта психология – внутренняя болезнь, в отличие от болезни внешней. Туберкулёз в отличие от чесотки.

“Конфликт с арабами неразрешим, ибо в основе конфликта лежит религиозное противоречие.” Нет, не религиозное, г-н эрудит, а национальное в маске религиозного. Я в современные религиозные конфликты вообще не верю, потому что не верю в веру большинства современных людей в Бога. Это всё обман или самообман. По крайней мере, те, кто, может быть, верят, не конфликтуют, да и влияния не имеют для разжигания агрессии, хотя бы потому, что их очень немного. То, что правда, как правило, не на стороне большинства, это мне давно понятно. Даже истинно демократические выборы держатся не на большинстве, а на меньшинстве. В советской демократии победа определялась цифрой 99,9 процентов. В настоящих выборах без подтасовки, без нечестных агитаций перевес за меньшинством – 2, 3 иногда 8 процентов. Но с не-

которых пор с развитием цивилизации большинство начинает представляться силой. Чем дальше от кривых дамасских сабель и арабских скакунов, чем ближе к компьютерной, лазерной и ракетной технике, тем меньше военную роль играют массы. Во всех развитых странах армию теперь не увеличивают, а сокращают, так что тут в ваших знаниях, г-н эрудит, серьёзный пробел. Потому смешно и нелепо звучит ваше утверждение, достаточно, кстати, заезженное советской пропагандой и советским антисемитствующим обывателем, что мусульман 2 миллиарда, а евреев, мол, очень мало. Тут, кстати, желаете Вы или не желаете, при всём вашем интернационализме левого сиониста-миротворца сквозит какая-то националистическая спесь по отношению к мусульманам. По-вашему мнению и мнению Вам подобных, это как будто бы какое-то безликое стадо – 2 миллиарда голов, которое по призыву изуверов всё прёт в одном направлении и попросту затопчет маленький беспомощный Израиль с его атомными бомбами, которые, по вашему мнению, “не помогут”. Конечно, лучше всего обойтись без бомб. Однако история показывает, что бомбы очень помогают. В крайней случае, когда речь идёт о национал-социализме или о японском империализме. При том, по моему мнению, чем раньше эти бомбы применяются, тем меньше их надо применять. Тем меньше крови, своей и чужой. Тот, кто хочет миролюбия любой ценой, получает вместо малой крови большую. Именно так обстоит дело и с агрессивней национал-исламизма, представляющего ныне ту же угрозу, какую в 30-ые годы представлял национал-социализм. Со своей, конечно, спецификой, делая ставку не на военную силу, которой они не обладают, а на террористический характер её, главным образом, против безоружных, а также на пропагандистскую истерию. Но как бы ни была велика эта толпа, согнать два миллиарда мусульман в одну стаю не удастся. Я, который много работал в Средней Азии, даже оскорбился за мусульман, которые представляются единым безликим стадом, так называемым исламским миром, которого Вы и Вам подобные панически страшатся. Они даже политически не едины и не безлики.

И высшего, как говорится, пилотажа Вы, господин

эрудит, достигли, сравнивая современный Израиль с Иерусалимским средневековым королевством. За такие сравнения, Вы, господин эрудит, были бы изгнаны с исторического факультета. Израиль возник на костях и пепле Холокоста, а Иерусалимское королевство не на фанатичных проповедях христианских религиозных погромщиков-изуверов. Если уж кого сравнивать с крестоносцами, то скорее фанатичных национал-исламистов, призывающих к походу на Иерусалим. Но оставим в стороне моральные качества. Подобно вашему, г-н эрудит, сравнению, скажу, что и военные возможности нынешних фанатичных изуверов-агрессоров, полумесяценосцев не те, что у султана Саладдина. Саладдин Иерусалим у крестоносцев отвоевал, а нынешние национал-исламисты ни пяди земли не отвоевали. Всё, что они получили, они получили в результате так называемого “мирного процесса”, придуманного в Осло. Не буду давать характеристики ни выдумщикам формулировки “земля в обмен на мир”, ни тем израильским идеологам, которые тому поверили. В формулировке, помимо прочего мошенничества, есть какой-то элемент кладбищенства: “земля, мир, мир праху твоему”. Соглашение на собственные похороны под музыку Гайдна, как Вы пишете. Знаете, г-н эрудит, этим Гайдном Вы меня натолкнули на интересную мысль. Может, некоторые миролюбцы-активисты “мирного процесса” так и поняли его как похороны. Не Рабин и Перес, те, надеюсь, честные идеологи, и не Барак даже, а некоторые интеллектуалы из университетских кругов, советники, эрудиты из прогрессивной израильской прессы, телевидения, помогавшие зарубежным интриганам, а то и просто врагам обливать грязью Натаниягу и Шарона. Именно они, может, подобно Вам догадывались, что “мирный процесс” это похороны. Причем хоронить решили не мертвеца, а при всех его недостатках современное государство, с четвертой по силе армией в мире. Потому что время работает, видите ли, на арабов, как Вы утверждаете, г-н эрудит. Время ни на кого не работает. Тут у Вас опять серьёзный провал. Точнее, оно работает на того, кто его умело использует. Так называемый “арабский мир” это время вряд ли использует. “Арабский мир”, кстати говоря, вообще не существует.

Это тоже не какое-нибудь безликое стадо. Но употребляю термин “арабский мир”, тем более, что ныне он со своим национал-исламизмом похож на “немецкий мир” со своим национал-социализмом 1930-ых и 1940-ых годов. Так вот, главное оружие арабского мира ныне это нефть, однако не думаю, что это оружие будет боеспособно до бесконечности. Время работает против нефти, а значит и против национал-исламистского мира, если человечество при всей его безнравственности и жадности хочет спасти себя и своих детей, поскольку нефть это кровь дьявола, разрушает и отравляет жизнь. А представьте, что такое арабский мир без нефти. Так кто же исторически обречен в свете технического развития? Особенно, если это техническое развитие будет продолжаться.

Ваши, г-н эрудит, идеи исторической обреченности Израиля, агонии Израиля, которая будет продолжаться несколько десятилетий и прочее, это идеи паникёров и провокаторов. На судне, застигнутом бурей в открытом море, таких паникёров-провокаторов бросают за борт во имя спасения остальных. А разве Израиль не представляет нечто подобное – судно в море массовой ненависти, разбушевавшейся наподобие слепой стихии национал-исламистских толп, поддержанной международным аморализмом, основной массой “*международной общественности*”, в том числе, так называемой “*демократической*”, о которой я еще скажу. Никогда я не идеализировал евреев. Это видно по моим книгам. Но каждый народ имеет право на своих дураков и своих подлецов. Оспаривать у евреев такое право или, наоборот, утверждать, что все евреи “хохумы” и таланты, это, по моему, очень утонченная форма антисемитизма. Не идеализирую я и еврейское государство, но если оно, еврейское государство, чем-то лучше остальных, то это массовой бурной ненавистью, в лучшем случае, массовой недоброжелательностью. Однако худшие из худших это, конечно, еврей-ренегаты разных мастей. Имя им, к сожалению, “легион”. Из-за патологически сложившейся истории в психологии, с которой приходится, увы, нередко сталкиваться, такие интернационалисты любят и уважают все нации, кроме своей собственной. Вы,

г-н эрудит, о таких еврейских ренегатах писали в своих анти-антисемитских книгах. Я уже говорил Вам и сейчас говорю, что нахожу эти книги интересными, и когда называю Вас эрудитом в этой области, то без иронии. Но, в который раз прав Пушкин, говоря: *“Бери не выше сапога”*. Как только Вы пытаетесь взять хотя бы на сантиметр выше эрудиции в области научного исторического анализа, не говорю уже о еще более высокой области – художественной фантазии, куда девается ваш ум, а иной раз и ваша мораль. Что говорить об уме или морали, если обычная добросовестность оставляет Вас. Тут я перехожу к худшему, что нашел в вашем письме и в ваших идеалах. Худшее всё-таки не в вашей историософии, как бы ни была она антиисторична, а в вашей лирике. По форме она напоминает лирику современных поэтов-графоманов. Стихи современных поэтов-графоманов ведь очень умелые, я бы сказал, очень взрослые, зрелые по сравнению с поэтами-графоманами прошлого. Тут тон важен: *“Приезжайте в Израиль. Вы увидите столь неожиданное, что оно поразит Вас. Закат необычайно прекрасен. Поспешите! Время работает против нас.”* Против Вас, г-н эрудит. По крайней мере, я себя с Вами не объединяю. Так что ваш лирический похоронный пафос попросту пошел, что уж тут придумывать иные слова. Пошлость ведь явление ёмкое, оно может быть просто вульгарно, но может быть и непристойно. Пошлость вашей лирики грезит последним, если обратиться к абзацам, предшествующим этому лирическому всплеску. *“Простите за откровенность”*, – пишете Вы, – *“Ваша критика еврейства болезненна. Это называется самоненависть, и наша история знает такие случаи”*. Следует перечисление еврейских ренегатов: *“Йосиф Феферкорн, Отто Вейнингер, вероятно, наиболее близкий Вам, (то есть мне), Яков Пракман и т.д. Не Вам становиться в их ряды, и не стоит проклинать материнское лоно.”* Даже не знаю, что Вам на это ответить. Я б Вам вообще ничего не отвечал, я отвечаю не Вам, а этому явлению, которое не так уж безобидно и в котором Вы находитесь на крайне левом фланге, который я, якобы, болезненно критикую и который Вы принимаете за еврейство. Может быть и болезненно, как же тут обойтись без боли, конечно

критикую, даже обличаю это где-то психологически миролюбивое интернациональное явление, которое Вы, г-н эрудит, изволите представлять в общем ряду, пусть и на крайне левом фланге. Левее Вас только дефективные из “Мира сегодня”. “Азохн вэй” из “Мир сегодня”, – как говорили в бывшем еврейском городе Бердичеве. Может, Вы Израиль представляете себе как Бердичев? Да, о Бердичеве можно рассказать самый короткий еврейский анекдот: *“В Бердичеве осталось меньше десяти евреев.”* Вы хотите, чтоб такой же анекдот рассказывали об Израиле? Не могу не сказать о вашем заявлении, что будто Вейнингер особенно мне близок. Тот самый венский еврей, земляк и современник Гитлера, который возненавидев еврейство, то есть материнское лоно, убил себя, вызвав похвалу Гитлера. В одной из книг, которой я с Вами обменялся, есть кое-что об Отто Вейнингере. Это в памфлете “Товарищ Маца” на странице 29. Среди прочего: *“Телесные извращения, лежащие в основе расовой австро-немецкой теории, не позволили ему, писателю Вейнингеру, удовлетвориться русским крещением тела. Эта “расовая честность” побудила “арийца” Гитлера похвалить своего земляка еврея.”* Чтобы после этого написать, что Вейнингер наиболее близок мне, надо иметь бельмы на глазах. Поскольку бельм на глазах у Вас нет, я отношу это просто на счет Вашей обычной канцелярской недобросовестности. Но дело не в личностных счетах. *“Зри в корень”*, – как сказал Козьма Прутков. Корень же в том, что Вы и подобные Вам отрывают судьбу еврейского государства от судьбы еврейского народа. А я объединяю их в единое целое, независимо от места проживания евреев вне или внутри еврейского государства. Я думаю, что у нормальных народов это именно инстинкт, а у народа ненормального, каким я считаю еврейский из-за патологии его истории, этому ещё надо учиться. Вы же не учитесь, а разлагаете, проповедуя капитуляцию перед кровожадными, причем лирически, что еще хуже. И тем развращаете убогих умом молодых недорослей. Это однако, повторяю, на крайне левом фланге, к счастью, не слишком влиятельном фланге миролюбцев. Но есть и правый, более влиятельный фланг в этом же ряду, а самый правофланговый – лауреат Нобелев-

ской премии Мира Шимон Перес, в свою очередь, тоже интеллеktуал, эрудит и, естественно, миролюбец. *“Шимон Перес, живой гений, человек трагической судьбы, непонятый своей страной, подобно древнему пророку, побитому камнями”*, – пишете Вы. Один из этих камней, правда с более далёкого расстояния, бросил и я в своей статье “О гетто-большевизме”. Левые доктринёры, к которым принадлежат либеральные большевики, ведь не всегда агрессивны. По обстоятельствам они и миролюбцы, причем любой ценой, по тому же, кстати, пресловутому принципу “Земля за мир”. Разве не по такому принципу торговали большевики: “Украина за Брестский мир”, как это было в 1918-ом году? Не этот ли принцип у картёжников-шулеров, которые, можно сказать, играют, имея на руках краплёные карты, как играл Ленин. Что же касается Рабина и Переса, то они сели играть в шулерскую игру не по-ленински, а как “йолды” (елэд – ребёнок(ивр), т.е. “как дети”, ибо только как “йолд” (только ребёнок) может играть некраплёнными картами с шулерами. Лишний раз убеждаюсь, нет абсолютных понятий, все понятия относительны, даже честность. Зачем же садиться играть в шулерскую игру, а игорный дом в Осло был явно шулерский, говоря на воровском жаргоне, “малина”, хоть и посещаемый высокопоставленными особами, министрами и прочими. Если уж сел там играть, так играй нечестно, как играет твой противник. Иначе рискуешь проиграть. Притом не своё, а казённое. Ибо играют казнокрады на весьма дорогое для еврейского народа – пусть скудные по размеру, но библейские земли, на Вифлеем, на Иерихон, на давние библейские Иудею и Самарию. Если так уж сложилась историческая судьба, если в результате своей средневековой колонизации эти земли, как и многие другие обширные пространства, захватили арабы, не сделав, кстати, для процветания этой земли ничего, то уж, по крайней мере, добивайтесь компромисса. Если миллион арабов со всеми правами живёт в Израиле, то добивайтесь того, чтобы в Иудее и Самарии жил, по крайней мере, миллион евреев. Так играют в подобные игры. Миллион евреев должен жить вместе с арабами, если те действительно хотят мира. А кто не хочет жить с евреями, пусть

уезжает в 24 арабские страны, как это сделали евреи. Вот так надо было играть в эту шулерскую игру. Нет, стали играть “честно”, то есть всё дочиста спустили, проиграли. Не своё, а казённое, народное. Сами же выиграли Нобелевскую премию на троих вместе с Арафатом. Как в России на троих собираются, имея в выигрыше пол-литровку.

Кстати, Вы пишете про Эзера Вейцмана, племянника социалиста Хаима Вейцмана, который, как Вы пишете, “*был правым ревизионистом, создателем израильской авиации*”. Почему ревизионистом? Разве создание авиации это ревизионизм? “*А впоследствии*”, – пишете Вы, – “*к Вашему (т.е. моему) негодованию, ставшему левым*”. Дело не в том, что он стал левым. Дело в том, что став президентом Израиля, он нарушал законы государства и этику своей должности, которая предписывает президенту оставаться нейтральным, развивал свою миролюбивую деятельность, вмешивался в политику, обличал премьера собственной страны Натаниягу, который, по его мнению, препятствовал миру, и приглашал к себе в гости “миролюбца” Арафата. К тому же, ему, Вейцману, некий французский “друг” подарил миллион долларов, за который он, ко всему еще, забыл заплатить налог. У меня сильное подозрение, что этот миллион долларов Вейцман получил за свою миролюбивую деятельность, но, в отличие от Рабина и Переса, незаконно, поскольку им, Вейцманом, опозорившим своей старостью свою молодость, заинтересовался прокурор, в результате чего Вейцман раньше времени ушел в отставку. Однако, вернемся к Пересу. “*Вы (то есть я), как художник, должны оценить эту фигуру*”, – пишет г-н эрудит. Я её оценил, бросил в неё камень, ныне намерен бросить и второй. Недавно я имел удовольствие созерцать Переса на экране немецкого телевидения. Он приехал в Германию получить в Гамбурге очередную свою премию Мира. Лучшего времени для премии Мира ни премиедатели, ни он, премиеполучатель, не нашли. Переса, “пророка в чужом отечестве”, называют архитектором мира и характеризуют как оптимиста. То есть, архитектор-оптимист. Шпендлер называет оптимистов трусами, но я скажу об оптимизме иное, особенно об оптимисте-архитекторе, таком, как Перес. Хороший архитек-

тор, хороший инженер, хороший законодатель, вообще, хороший создатель это пессимист. Проектируя дом, автомобиль или закон, он закладывает пессимистические коэффициенты прочности с учетом того, что дом, автомобиль, закон или политический договор будут работать в плохом режиме. Я уже о том говорил и повторяю опять. В Америке, например, в последнее десятилетие один президент хуже второго. От политических ошибок Никсона до моральных ошибок Клинтона. Но американские отцы-законодатели всё это предусмотрели, ибо, создавая законы, они были пессимистами и тем защитили страну хорошими законами от плохих президентов. Если, конечно, в подобных пессимистических законах нет нужды, то тем лучше. Это и есть пессимистический оптимизм. В нынешней демократической России законы излишне оптимистичны. Эти законы заранее гарантируют, что избранный президент не может быть ни пьяницей, ни мошенником, ни кем-либо подобным. Излишне оптимистичны, на мой взгляд, и некоторые законы Израиля, например, закон об избрании премьер-министра напрямую. Во всех странах правительство формирует парламент на основании большинства, которое возглавляет премьер-министр, что гарантирует устойчивость. В Израиле же премьера избирают напрямую, отдельно от парламента, что гарантирует неустойчивость и правительство меньшинства, особо опасное в такой как ныне кризисный момент. Но в нынешний кризисный момент, когда даже Барак*) потерял свой оптимизм, Перес остаётся оптимистом. Даже теперь, когда мирный процесс, архитектором которого он был, рухнул, придавив и покалечив многих, он продолжает упорно оставаться оптимистом и верить в “мир”. Во время последнего телевыступления я пригляделся к Шимону Пересу, и чем-то он мне вдруг показался похожим на Карла Маркса без бороды. Герберт Уэлс в разговоре с Лениным, кремлёвским мечтателем, сказал, что борода Карла Маркса его ужасно раздражает и он, если б мог, побрил бы Карлу Марк-

**) Памфлет писался еще в то время, когда Барак был премьером.. Ныне и нелепый Закон и Барак, слава Богу, отменены.*

су бороду, на что Ленин, по своему обыкновению, заразительно засмеялся. Но признаюсь, Перес даже без бороды меня тоже раздражает, поскольку многие остальные атрибуты Маркса содержатся у него. У него выпуклый Марксов лоб эрудита – “хухема”, у него подобно Марксу слепые глаза левого доктринёра, считающегося не с реальностью, а только со своими доктринами. И он, подобно Марксу, архитектор-оптимист. Только Маркс оптимистически спроектировал коммунистический мир, а Перес оптимистически спроектировал ближневосточный мир. Что получилось из этих проектов? *“Кто не слеп, тот видит,”* – как сказал Лаврентий Павлович Берия в своей траурной речи над трупом Иосифа Виссарионовича Сталина. Таков Шимон Перес – лауреат Нобелевской премии Мира. А теперь несколько слов о самой премии Мира. Основана она была в 1901-ом году, как и все иные. Про иные ничего не скажу, хотя, в частности, о литературной у меня есть своё мнение. Но об остальных лауреатах Нобелевской премии Мира скажу несколько слов. В 1938-ом году премию получила базирующаяся в Швейцарии организация помощи беженцам. Недавно по телевидению выступал нынешний аргентинский президент, и в духе самого обычного хрущевского реабилитанса задним числом извинился за то, что Аргентина отказывалась принять евреев, которым угрожал гитлеровский геноцид. Аргентина в этой своей деятельности была не одинока. Достаточно вспомнить судно с еврейскими беженцами, которых никто не хотел принимать, в результате чего судно вынуждено было вернуться назад в Германию. Пассажиры судна погибли затем в гитлеровских лагерях. И англичане, подзадориваемые арабами, всячески препятствовали прибытию еврейских беженцев в Палестину. Тем не менее, швейцарский комитет помощи беженцам стал в 1938-ом году, году Хрустальной ночи и Мюнхенского сговора, лауреатом Нобелевской премии Мира. Может быть авансом, учитывая послевоенное время, когда этот комитет действительно помогал беженцам, тем беженцам, которые бежали от правосудия, тысячам гитлеровских убийц. В 1944-ом году лауреатом Нобелевской премии стал Красный крест, тот, который обличал непристойные обстоятельства в

английских лагерях для интернированных, но практически почти ничего, а точнее, вообще ничего не сделал для узников гитлеровских лагерей. И который, кстати, тоже помогал из гуманных соображений гитлеровским убийцам скрываться по подложным документам. Во время кровавой Вьетнамской войны лауреатом Нобелевской премии Мира, как известно, стал Киссинджер, полезный еврей-миролюбец. Северо-Вьетнамский функционер, не помню, как его фамилия, оказался менее циничным и более честным из всех лауреатов, ибо премию получать отказался, зная заранее, что коммунистический Вьетнам договорённости соблюдать не будет. И сразу же за подписанием мира захватил Южный некоммунистический Вьетнам. Полезный еврей Киссинджер и на Ближнем востоке по заданию президента Никсона, в свою очередь миролюбца, предложил продолжить свою миролюбивую деятельность, спасая в 1973-ем году попавших в безвыходное положение арабов от израильской армии, оказавшейся на 101-ом километре, т.е. всего в одном часе езды от Каира. Но стать дважды лауреатом Нобелевской премии Мира полезный еврей Киссинджер уже не мог по уставу. Кстати, с 1939-го года по 1944-ый год премии Мира никому не вручались. Между тем, основными кандидатами в лауреаты Нобелевской премии Мира за 1939-ый год должны были стать Гитлер, Чемберлен и Делардьё за мир, который они подписали в Мюнхене. Гитлер поторопился начать войну с Польшей, иначе быть бы ему лауреатом Нобелевской премии Мира на троих с Чемберленом и Делардьё.

Арафату торопиться было некуда. Как Вы утверждаете, время работало на него. И он стал лауреатом вместе с Рабином и Пересом. Так что нынешняя Нобелевская премия Мира имеет хорошие традиции. Не хуже, чем традиции Лиги наций, чье подобие – ООН. Нечто вроде колхоза “Напрасный труд” в Нью-Йорке. Кстати, председатель нынешнего колхоза Кофи Анан всё-таки лучше прежних, менее циничен, более престижен. Но преодолеть пороки ООН он так же не может, как хороший председатель колхоза не может преодолеть пороки колхоза. Разумеется, коллективный труд не всегда бывает напрасным, пример тому – кибуцы. Кибуцы, создан-

ные левыми Израиля, а до того в Крыму, в создании которых, к слову сказать, принимал участие и мой впоследствии расстрелянный отец, были более успешны, чем колхозы. *“Юноши-социалисты осушали болота, создавали очаги будущего индустриального государства”*, – пишете Вы, г-н эрудит. – *“И тогда нищие арабы стали стекаться в Палестину из Иордании, из Саудии, из Ливана и из Сирии. Здесь они могли получить работу и жить не только разбоем. Это же социалисты создали современную высокоразвитую индустрию и армию, одержали волшебную победу в 1967-ом году. Её творцом стал нелюбимый Вами (т.е., мной) начальник генерального штаба генерал Ицхак Рабин.”* В этом вашем высказывании почти всё правильно, и всё это я знаю. Я говорю “почти”, потому что из Иордании палестинцам стекаться нельзя было, поскольку Иордания это тоже была Палестина. Проарабские английские колонизаторы-империалисты в 1922-ом году отрезали две трети Палестины и назвали её фальшивым именем Иордании. Даже король Туниса сказал: *“Такой страны нет. Есть такая река.”* К тому же никакого волшебства в победе 1967-го года не было. Просто международные миролюбцы еще не успели тогда навязать Израилю *“мирный процесс”*, который улучшает только позиции арабов и который прикрывает провокации арабов и защищает их от ответных ударов. И вряд ли Рабин был единственным творцом победы. К тому же, нелюбим он мной не за 1967-ой год, а, наоборот, за то, что своим участием в упомянутом *“мирном процессе”* он свой 1967-ой год опозорил, став проарабом, оптимистом у архитектора-оптимиста Переса. Да, создатели Израиля, главным образом, были левые, хотя бы потому, что евреи вообще вынуждены были быть слева, поскольку основные враги были справа. Однако вместе с левым энтузиазмом они привезли и левые либеральные интернациональные утопии, тогда еще, может быть, искренние. Смешные и опасные утопии, особенно опасные в арабской среде с совершенно иными ценностями. Со временем утопии эти поблекли и одряхлели, но продолжают оставаться у власти. Так же, как в Советском Союзе они оставались у власти со своей, конечно, спецификой. Ранние большевики ведь то-

же были энтузиасты, и говорить об их деятельности только негативное, значит лгать. У Бердяева сказано: *“Чтобы понять ложь большевизма, надо понять его правду”*. Ранние большевики всё-таки преодолевали пороки царского режима. Они строили города, обучали неграмотную массу грамоте. В мусульманской части страны раскрепостили женщину, освободили её от унижительной паранджи, закрывающей лицо. Не только список преступных деяний у ранних большевиков, но и положительных деяний не так уж мало. Конечно, деятельность советских большевиков и деятельность левых сионистов далеко не совпадает. Есть, однако, один общий, очень важный момент. На каком-то этапе левый энтузиазм требует во имя блага страны консервативной поддержки. Благие утопии требуют реальных трезвых деятелей, понимающих происходящее. Этого не произошло ни в Советском Союзе, ни в Израиле. Однако в нынешней России, основной части бывшего Советского Союза, при всех потрясающих глупостях и подлостях последних десятилетий всё-таки левую утопию у власти удалось свергнуть. В Израиле этого не случилось и по сей день. Одряхлевшие и деградировавшие, прошедшие путь от Бен Гуриона, при всех своих утопиях всё-таки не отстранявшегося от действительности, к Рабину, может быть, хорошему военному, наподобие Льва Троцкого, но никчемному политику. И Пересу, архитектору-утописту, левая утопия помогает пребывать у власти. Даже когда народ избирает правое национальное правительство, левые продолжают удерживать основную часть прессы, телевидения, профсоюзы, университеты, кибуцы и, конечно, интеллектуалов, для которых левизна давно уже не потребность жизни, как у первых энтузиастов, а мода. Поэтому я говорю и пишу, что Израиль – страна, имеющая одну левую руку и стоящая на одной ноге – левой. Страна – инвалид. Мирный процесс в Осло, начатый Рабином и Пересом, при логическом своём развитии вёл и ведёт к гибели еврейского государства. И Вы, г-н эрудит, своими идеями сами это подтверждаете, заявляя, правда, себе в оправдание, что еврейское государство, якобы, исторически обречено. Тем самым делая, как я уже указывал, научный подлог. Теперь даже Барак, активный последователь Ра-

бина, объявил этот мирный процесс законченным. Странно, зачем же надо было его начинать в таком гибельном для Израиля виде? Может быть, именно поэтому в идеологическое оправдание такие, как Вы, на левом фланге начали свои рассуждения, что, мол, Израиль обречен и т.д. Для того, чтобы историческими фальсификациями оправдать политические аморальные глупости – Израиль, мол, погибнет, а еврейский народ вечен. А я думаю, что если еврейский народ не сумеет сохранить своё государство, то такой народ и вовсе не нужен. Такой народ недостойн существовать. Холокост, жертвой которого я случайно не стал, не был бы возможен в таких масштабах, если бы тогда существовал Израиль. Например, химическое оружие, которое массово применялось только против евреев, можно было уравновесить химическим оружием против немцев. Даже у Гитлера были свои пределы. Но нет, демократы действовали тогда так же, как они ведут себя теперь. Только тогда они своей трусливой подлостью продавали евреев национал-социализму, а теперь они продают национал-исламу. Однако, ситуация другая.

Вы, г-н эрудит, почему-то утверждаете, что не левый, не социалистический Израиль будет обязательно мафиозным: *“Мировое еврейство качает деньги в Израиль, и краденые деньги переправляются в Швейцарию и т.д. Говорят, на счетах израильтян там лежат десятки миллиардов долларов. Как Вам нравится моя фильма?”* Ваша фильма мне не нравится, потому что она фальшива, срежиссирована. Если эти миллиарды и лежат, то почему Вы думаете, что все они правые? Неужели Вы намерены утверждать, что левизна и социализм сами по себе гарантируют честность? А миллион Вейцмана? Неужели Вы принимаете всех за таких дураков, которые будут с доверием смотреть вашу таким образом смонтированную фильму? Я сценарист-профессионал, я знаю, что такое фальшивый монтаж. И у Вас, г-н эрудит, и в израильской левой прессе, льющей в угоду зарубежным миролюбцам на Натаниягу и на Шарона и на подобных им деятелей потоки грязи. Я, кстати, не правый и не левый. Я не против левизны и социализма. Мой отец начинал как моло-

дой бундовец. Моя мать принадлежала к еврейской школе. Она преподавала в еврейской школе. Просто затем левых бундовцев почти насильно заставили вступить в компартию. Я даже не против коммунистов, если они действительно коммунисты, а не ряженные, а то и преступники. Я не левый и не правый, но я считаю, что при засильи правых надо быть левым, а при засильи левых – правым. В Израиле сейчас засилье левых – потому я правый. Надеюсь нынешние события бесстыдного *“мирного процесса”* положат конец господству левых. И более того, помогут самим левым утратить, наконец, свои утопии. Правда, процесс деградации левых зашел так далеко, что и это вызывает у меня пессимизм, сомнения. Ваше письмо, в котором Вы, г-н эрудит, пророчесствуете неизбежную гибель Израиля, тому подтверждение. Если не левый, не социалистический, то никакой. Вы в своих книгах, еще раз повторяю, на уровне эрудиции интересных книгах, перечисляете евреев-ренегатов и анализируете их. Себя же причисляете к сионистам: *“С середины 60-ых годов я активно принимал участие в сионистском движении”*. Однако как назвать сиониста, который предрекает гибель еврейского государства. Вы сионист-ренегат, г-н эрудит, к сожалению, среди левых сионистов не единственный. К счастью, Вы не у власти. У власти теперь г-н Барак из вашего же левого ряда. Возможно, он хороший военный, так же, как и Рабин. Возможно, как Вы пишете, у него два технических диплома. Возможно, он хорошо играет на фортепьяно и любит ходить на концерты. Но политик он плохой! Может, именно из-за того, что, увлекаясь игрой на фортепьяно и прочими европейскими идеалами, подходит с такой же меркой к арабскому средневековому миру. Сам по себе интеллект без политического чутья и политической трезвости может быть даже во вред. Разве у Невилля Чемберлена, который, кстати, поверил Гитлеру, как Барак поверил Арафату, был плохой интеллект?

Вы, г-н эрудит, называете себя верующим. Хочу Вам всё-таки сказать, что Вы человек не верующий, а религиозный. Не надо путать. Это далеко не всегда совпадает. Вы человек религиозный, а я человек не религиозный, но верующий. Библию я воспринимаю прежде всего через призму культу-

ры. Так и написан “Псалом”. Есть в библии место, используемое в “Псаломе”, которое я часто цитирую – разговор Моисея с богом на горе Синай. Евреи устали идти через пустыню, молятся, взывают к Богу. И тогда Бог говорит Моисею: “Что они кричат: “Господи, Господи?” Скажи им, пусть они идут”. Религиозные молятся – верующие идут. Если Израиль будет идти, его не остановить ни “честным” заклятым врагам, ни лицемерным друзьям. Я так думаю не потому, что оптимист, а потому, что верю в практическую мудрость божьих советов.

Глава 2

Израиль именуется – святая страна. Но со времен Пушкина существовала для культурной России духовная Палестина. Это Франция, точнее Париж. “О, Париж!”, как поёт итальянский еврей из Тосканы, известный под именем Ив Монтан. Поёт о своей любви к Парижу. Я тоже одно время любил Париж. Я вообще человек влюбчивый, быстро увлекающийся. Оттого так много совершил в жизни ошибок. Но моё желание переехать на жительство в Париж – это та ошибка, которую я не совершил. Нынешние события в Париже и во Франции меня в этом окончательно убедили. Дело не только в том, что моя влюблённость в Париж была односторонней. Мне кажется, что Париж меня не слишком любил. Город ведь тоже может любить человека или не любить. Может ведь и обманывать, как кокотка. В этом, по моему, Париж мастак. Тут нет ему равных. Я о Париже хотел бы, вопреки правилам грамматики, даже говорить в женском роде. Другой русский еврей Илья Эренбург с Парижем ссорился. Он написал роман “Падение Парижа” художественно весьма бледный и худосочный. За это бледное сочинение Эренбурга во Франции, кажется, объявили персоной “Non Grata” – нежелательной персоной. Потом он начал восхвалять де Голля, как героя французского сопротивления, чуть ли не второго после Орлеанской девы. Его простили. Париж опять принял его в

свои объятия, тем более, что Эренбург дружил с Мальро, де-голлевским министром культуры, и прочими интеллектуалами. Эренбург был не просто франкофил, он был, пожалуй, франкоман и парижеман. Мне же во все мои 20 посещений Парижа было в нём неуютно. Даже в начальный период своей влюблённости я чувствовал, что это город жестокий и лживый, хотя и умеющий очаровать своей красотой. Да, у него было чем очаровывать. Итальянский бульвар с красавцем Домом Лионского кредита, которым я любовался и возле которого почему-то всегда можно было видеть спящих клошаров. Париж романтически слезливо любит своих клошаров, точнее любил их прежде, в стиле Гюго. Не знаю, любит ли Париж клошаров действительно? Я в этом сомневаюсь. Уж кто-кто, а клошары, я думаю, чувствуют лживую жестокость этого города, хитрого как кокотка и недоверчивого как консьержка, а ведь они, клошары, в большинстве своём свободно говорят по-французски. Мне кажется, если бы я так же свободно говорил по-французски как клошар, всё равно чувствовал бы себя в этом городе наподобие клошара неуютно. Хоть в наиболее известных издательствах “Галимар”*) и прочих было опубликовано 8 моих книг, и о каждой книге были весьма распространённые лестные отзывы известных газет: “Ле Монд”, “Фигаро”, “Либерасьон”, даже “Юманите”, “Нувель обсерватор”**). По моему роману “Искупление” сделали 2 инсценировки: в небольшом театре на Пляс Пигаль, в театре “Луи Баро” на Елисейских полях. Этими инсценировками я очарован не был, но тем не менее. В романе “Искупление” речь идёт об убийстве во времена немецкой оккупации соседями по дому, кстати, восточного происхождения – ассирийскими чистильщиками сапог, ненавидимого ими всеми еврейского доктора. Разбили камнем голову и закопали возле дворового туалета. В то время, когда шла моя инсценировка, во Франции был очередной приступ антисемитизма. Не такой как ныне, более мелкий – кладбищенский, с раз-

* — “Галимар” — одно из основных издательств Франции.

** — Журнал “Нувель обсерватор” — недельное обозрение Франции.

рушением еврейских могил и вытаскиванием еврейских трупов. С надругательством над ними в духе французского экспрессионизма, с засаживанием трупу в задний проход черенка лопаты и прочими экзистенционистскими играми, представляющими из себя смесь некрофилии с некрофобией с таким некрофильским садизмом. Напиши об этом какой-нибудь французский паскудник роман, может, получил бы премию Гонкура или еще какую-нибудь. Сексуальные юдофобы, а юдофобия вообще связана с половыми органами, захотели насладиться этим натурально. Так вот, посчитав, что “Искупление” натурально, поставили его на малой сцене театра “Точка” на Елисейских полях и приводили даже в назидание французских школьников. Было это, если я не ошибаюсь, в 1988 году. В те же годы, на исходе Шестой республики, президент Франции Миттеран меня даже в Елисейский дворец пригласил вместе с 50 европейскими писателями. А также анархисты пригласили на Монмартр выступать по их радио. Я выступал по еврейскому французскому радио и по французскому телевидению вместе с известными французскими деятелями культуры. Но говорят, приглашение на радио анархистов еще более престижно, чем приглашение в Елисейский дворец. Анархистам понравился мой роман “Место”. В советском справочнике анархизм определяется как враждебное марксизму мелкобуржуазное течение, отрицающее и обличающее всякую государственную власть, в том числе и диктатуру пролетариата. Я думаю, что по сути анархизм это правые. Всякая власть порочна. Беда, однако, в пороках человеческой природы. Поэтому так важно, чтобы порочная по своей сути государственная власть находилась в руках человека, я не скажу, кристально честного, высокоморального, это уж слишком много требовать, но по крайней мере достаточно разумного и образованного. Мосье Франсуа Миттеран, при всех своих недостатках, был таковым. Он понимал значение культуры для политики, для жизни страны. И в тоже время он был, конечно, француз во всех аспектах этого слова. На встречу в Елисейском дворце Миттеран опоздал часа на полтора. Все стояли и ждали, утоляя голод шампанским и ореш-

ками. Мне сказали, что так положено. Во Франции большой начальник должен опаздывать. На обед он не остался. На прощанье среди прочих он пожал мне руку и сказал: “Оревуар”, то есть “До встречи”. Выглядел он, краше в гроб кладут. И, действительно, скоро он оказался в гробу, и опять вернулась Пятая республика де Голля или Седьмая республика неоголлиста Ширака. Я лично думаю, что те худшие представления анархистов о государственной власти сбылись, подтверждение чему – нынешние французские события, приобретшие форму не мелкого кладбищенского антисемитизма, а самой обычной “Хрустальной ночи”. Не знаю, сколько си-нагог, может, сто и одну, может, и более, сожгли в “Хрустальную ночь” в Германии в 1938 году, но, по моему, во Франции 2000 года эта цифра где-то близка. Дело, однако, не только в цифрах, дело в реакции большинства на совершаемые преступления. Она же близка к реакции 1938 года, а то и хуже. На вопрос газеты “Либерасьон” 31 процент опрошенных французов обвиняют во всех грехах, в том числе и в происходящем, евреев. Лишь 15 процентов французов поддерживают евреев. А где же остальные 54 процента? А остальные 54 процента просто едят луковый суп. Привет вам от ваших бабушек и дедушек, медам и месье! Только те коллаборировали, т.е. сотрудничали с национал-социалистическими бандитами, а эти коллаборируют, т.е. сотрудничают с национал-исламистскими бандитами. По французски слово “предать”, “предатель” – “traître”, предательство – “trahison”. Все эти ясные понятия, оказалось, можно подменить расплывчатым словом “коллаторе” – сотрудничать, “коллаторатор” – сотрудник, “коллаторасион” – сотрудничество. Вместо “предатель” – сотрудник, вместо “предательство” – сотрудничество. С кем сотрудничество? По какому поводу сотрудничество? В международных словарях этому французскому подменному слову дано недвусмысленное определение: “коллаторационист” (фр. – *коллаторасьон*) – изменник, сотрудничавший с фашистскими захватчиками в странах, оккупированных ими во второй мировой войне. Подменными, точнее подложными, оказались не только слова, но и суть ныне происходящего во Франции и на Ближнем Востоке, где тоже происходит

подмена, тот же подлог, судя по выразителям французского общества – французскому правительству во главе с голлистом Шираком, и по французской прессе во главе с “Ле Монд”, “Фигаро”, “Либерасьон”. Впрочем, началось это не теперь, длится долгими годами и не только во Франции, но во всей демократической Европе, моральный уровень которой, на мой взгляд, не превышает морального уровня 30-ых годов. Франция в этой подмене и подлоге – передовая страна в силу определённых обстоятельств. Мне довелось наблюдать проводимые на французском телевидении, с позволения сказать, дискуссии по ближневосточному вопросу. Занятие, надо сказать, не слишком приятное, однако необходимое по долгу службы, по профессии ассенизатора и водовоза. Это заставляет иной раз и не в таком копать. Тем более, в немецком телевидении в начале 80-ых годов часто устраивали диспуты по особо любимой теме Ближнего Востока. Оно и понятно. “Израильская агрессия” была тем самым “аргументом”, которым можно было заслониться, хотя бы в какой-то степени, от 12 миллионов глаз, глядящих из пустых глазниц. И всегда в таких “дискуссиях”, помимо немцев и арабов, принимал участие какой-либо француз. Не датчанин, не японец, не португалец, а француз. Почему именно француз? Может из-за исторического рукопожатия де Голля и Аденауэра? Хотя и до мирного исторического рукопожатия, еще в военное время, во Франции между немцами и французами в значительной своей части установилась атмосфера сотрудничества – “коллаборасион”. Также и на этих дискуссиях по Ближнему Востоку между французом, немцами и арабами устанавливалась атмосфера “коллаборасион”. Обычно для “объективности” на такие дискуссии приглашали какого-либо прогрессивного еврея, левого израильского пацифиста, наподобие г-на эрудита, и все вместе начинали этого пацифиста гонять как зайца, то есть коллаборировать-сотрудничать. Немцы, араб, француз. И “агрессор”, и “разбойник”, и “оккупант”, и “угроза международному сотрудничеству” и прочие плохие слова. Притом француз проявлял особое рвение, превосходящее даже арабское. Хочет казаться святее Магомета. “Прогрессивный еврей” и так и эдак, и вину признаёт, и сам

осуждает. Нет, гоняют. Особенно француз старается. Помню одного. Физиономия вольтеровская, сатирическая. Вольтер, кстати, тоже евреев “осуждал”, т.е. не любил. Так и этот француз-вольтерьянец осуждает, то есть не любит, а сам глазами блестит, с иными участниками коллаборации пересматривается, точно еврейский анекдот рассказывает. Но при том предварительно объявил, что был участником Сопротивления. Не он один. Другие французы, приглашенные в подобные политические ближневосточные дискуссии, тоже объявляли, что сопротивлялись. Мне кажется, что такое количество французских сопротивленцев даже обычной статистике не соответствует. Как же сопротивлялись французы? Не будем копаться в документах, тем более, многие из них сфальсифицированы. Как сказал Черчилль: “Я верю только той статистике, которую сам сфальсифицировал.” Заглянем в обычные газетные архивы. Газеты тех лет сфальсифицировать трудней. Конечно, были и сопротивляющиеся. Была, например, эскадрилья “Нормандия – Неман”, французские лётчики, которые недаром ушли из армии де Голля. Они хотели сопротивляться, воевать по-настоящему. Но это была одна эскадрилья, да и то начавшая сопротивляться в 1944 году. Основная масса французов сопротивлялась по месту жительства. И надо сказать, французское недовольство было. Еще бы! Каждый солдат немецкой армии получал в день 6 яиц и 250 грамм масла. Французу выдавали на неделю 72 грамма мяса без костей или 90 грамм мяса с костями. Один сопротивляющийся журналист писал в зарубежной французской прессе сопротивления: “*Вся Франция наблюдает как “Боши” (так называли немцев-оккупантов) бросились в кондитерские. Каждый брал пирог, рассчитанный на 8 человек, и проглатывал его тут же на месте. Много молчаливых тяжелых взглядов наблюдало, как немцы потребляли французский коньяк.*” Дело происходило в июне-июле 1941 года. Девятый вал гитлеризма, его высокий триумфальный подъём по трупам Красной армии (4 миллиона убитых за 3 месяца) среди пожарниц и виселиц, на которых множество удушенных с надписью “Jude”, с желтыми звёздами. Немцы тогда особенно любили для удовольствия вешать. Газовыми камерами

они начали вплотную заниматься потом, второпях, предчувствуя своё поражение. Но тогда двигались, казалось, неудержимо. Любимец Гитлера, талантливый военный преступник фельдмаршал Манштейн, покоритель Парижа, предлагал взять Москву по-парижски, т. е. новаторски: быстрая атака танковыми клиньями без прикрытия с флангов, оставив Украину и прочие места на закуску. Гитлер не послушался совета своего любимца Манштейна и других генералов оставить Украину на закуску в очень большой степени потому, что это давало возможность сотням тысяч украинских евреев выехать. А Гитлер хотел их взять в котел, т.е. в кольцо. Поэтому он повернул свои войска с московского направления на Киев и Харьков. 17-го сентября был взят Киев. 29-го сентября начался Бабий Яр. Только 22-го октября был взят Харьков. К тому времени наступила распутица. Немецкие войска, начавшие запоздалое наступление на Москву, сели в грязь. Потом подоспели морозы. Гитлеровский “блицкриг” провалился, будучи, в значительной степени, остановленным еврейскими стариками, женщинами и детьми, вопреки своему желанию принявшими гитлеровский удар на себя. Тому способствовали, конечно, и иные обстоятельства, но это было очень важным. Можно ли такое сказать о французских сопротивлявшихся? Разумеется, особым тактом немецкие победители и в Париже не отличались. Известно мнение одного из гитлеровских “бонз”:*“Париж съедает в день, что Германия ест неделю. Француз потребляет 3700 калорий. Мы доведём его до 1100 калорий”*. Французская газета “Пти Паризьен” сообщает эпизод, как один немецкий покупатель, повздорив с продавцом-французом, сказал: *“Вы разбиты и должны ползать на животе”*. Неудивительно, что появились “сопротивляющиеся” французы. Французская газета “Пти Паризьен”, сообщает о некоторых служащих французских трамваев, часто вызывающе невежливо обращающихся с немцами. Нашлись официанты в ресторанах, которые обслуживали немцев медленнее, чем французов. Более того – на стенах домов писали латинское “V”, и было объявлено о привлечении к ответственности домовладельцев, которые не стерли “V” или которые не помешали его написать. Национальная скудость

французов, известная из книг классиков французской литературы, заставляла их есть хоть скупо, но изыскано. Думаю, даже голодный паёк – 72 грамма мяса без костей или 90 грамм мяса с костями – ели на тарелочках с вилочками и ножичками. Изголодавшийся немец, особенно изголодавшийся солдат, жрёт откровенно. Недаром в оккупированном Париже это вызывало недовольство и сопротивление, демонстрируемое, главным образом, невежливостью в трамвае. Поэтому подавлять такое французское сопротивление можно было, не употребляя оружия. *“Немцы отложили в сторону пулемёты, автоматические ружья, винтовки, револьверы, гранаты. Теперь вошло в ход новое оружие – чемоданы”*, – такое высказывание сопротивляющихся французских газет и свободного французского радио доходило для французских сердец лучше чем известия о неких немецких экзекуциях на далёкой Украине. Известия о расстрелах в Киеве и повешенных в Харькове волновали меньше, чем паритет валют, установленный оккупантами. Расстрелы и виселицы – это, может быть, пропаганда, а 20 франков за марку – истинная реальность. *“Это может сойти за весёлый марсельский анекдот”*, – говорили французы, – *“Ведь марка стоила до войны 6 франков, а война отнюдь не повысила паритет немецких денег”*. В портовом Марселе, как и в портовой Одессе, любят весёлые анекдоты. Ну кому тогда было дело до массовых расстрелов в Одессе, если здесь, в Марселе, Париже и прочих французских населенных пунктах, Мюллеры в зелёных шляпах, с чемоданами в руках, опустошали магазины. *“Время магазинов. Парижане долго будут помнить, как выглядела в те дни галерея Лафайетт и Лувр – все эти магазины, торгующие на правой стороне Елисейских полей, когда поднимаясь к Триумфальной арке. Тысячи Мюллеров ходят группами по двое, по трое. Штатские и военные, они вполголоса дают друг другу советы. На базе своих 20 франков за марку они опустошают содержимое громадных универмагов. “Бомарше”, “Самаритэн” – всюду чисто. Можно не утруждать себя поисками рыбы в рыбных магазинах, требухи в мясных. Французы блуждают между лавками – ни сыра, ни провансальского масла”*. Так страдали французы от

своих Мюллеров, в то время как в Киеве другие Мюллеры гнали в Бабий Яр женщин, стариков и детей. В Харькове вешали на балконах комиссаров. Смоленск выжжен, Новгород разрушен. В Аушвице продували первые пробные газовые бани.

Но ведь были и другие, были герои, был де Голль, именем которого ныне названы площади и главные аэродромы. Да, был де Голль. Заглянем опять в газетный архив. Что же делал герой де Голль и его деголлевские французы в дни гитлеровского триумфа, когда судьба Москвы висела на волоске, не говоря уже о судьбе еврейского населения, которое отправлялось в Бабий Яр и прочие могильные ямы? Франция, признанная в 1945 году среди четырёх держав-победительниц? Что делали французские эсминцы класса “Шевалье-Поль”? Кого бомбили французские бомбардировщики? “Французские войска продолжают наступление в районе Бейрута. Французские войска установили на побережье артиллерийские батареи, и английские военные корабли вынуждены держаться на почтительном расстоянии от берега”. Оказывается французская артиллерия угрожала не немецким, а английским войскам. *“Днём 22 июня (дата нападения Гитлера на Советский Союз) французские самолёты продолжали совершать разведывательные полёты и бомбардировки. Иерусалимское радио передало официальное сообщение, что на улицах и в домах города Марджаян происходят ожесточенные рукопашные схватки между австралийскими и французскими войсками.”* Знакомые географические наименования, часто встречающиеся и в нынешних сообщениях французского радио и всей остальной прессы. На чьей стороне ныне воюют французы, по крайней мере идеологически, — это несколько позже. На чьей стороне воевали французы тогда, в 1941 году? На чьей стороне так ожесточенно, вплоть до рукопашных схваток воевала Франция тяжким летом 1941 года? “Главкомандующий французскими войсками в Сирии генерал Денц”. Генерал Денц? А где же де Голль? *“Английские, индийские и деголлевские войска (так их называли тогда, не французские, а деголлевские) продолжали наступление местного значения и захватили несколько сел. Войска*

де Голля встречают сильное сопротивление со стороны численно превосходящих французских войск". Странное сочетание – де Голль встречает сопротивление французских войск. Оказывается, Франция воевала по обе стороны. Причем в победное для Гитлера время с численным превосходством воевала на гитлеровской стороне, так что участие деголлевцев на антигитлеровской стороне было чисто символическим. Кто бы ни победил – Франция среди победителей! Конечно, не дай бог, гитлеровский выигрыш войны, и Пляс Этуаль – Площадь Звезды с расположенной на ней Триумфальной аркой была бы переименована не в Площадь де Голля, а в Площадь Денца. Имя де Голля исчезло бы в архивном ничто, как ныне исчезло имя генерала Денца. У Брехта в “Галилее” сказано: *“Несчастлива та страна, которая нуждается в героях!”* Но можно сказать: *“Трижды несчастна страна, которая нуждается в фальшивых героях!”* Собственно, в национальных супергероях всегда неизбежен налёт фальши. Это сценический грим всяких политических гениев и пророков. С предтечей де Голля – Орлеанской девой тоже ведь неувязки. Франсуа-Мари Аруэ д’Арк, известный по кличке Вольтер, пытался этот грим с лица Жанны д’Арк снять. Но устоявшиеся исторические традиции, как и мученическая кончина Орлеанской девы, препятствуют чрезмерножелчной вольтеровской сатире торжествовать над историческими оппонентами. Такого препятствия нет в деголлевской торжественной водевильной концовке “аля лабиш”. Начав наступление местного значения в сирийском захолустье, де Голль штурмом взял Париж, до него освобожденный, и прошествовал по парижским улицам с важностью галльского петуха, о чем свидетельствует кинохроника. В годы холодной войны и железного занавеса С.В.Михалков написал в вольтеровском духе про де Голля водевильный стишок-куплет: *“Давно ль, давно ль петух де Голль был перелётной птицей? Теперь де Голль играет роль и очень петушится. “Кукареку! Марш на Москву! Чего он хочет, кочет? Свою страну втянуть в войну, вот он о чем хлопочет”*”. С.В.Михалков писал по другую сторону железного занавеса, также с идеологическими преувеличениями, но деголлевский характер воинственного петуха он уло-

вил точно, хотя и с сатирическим перегибом. Однако Нина Берберова в своей книге “Железная женщина” приводит мнение антифашистов тех лет, которые вполне серьёзно без всякой сатирической заострённости считали самого де Голля полуфашистом. На антигитлеровской стороне он оказался не по идеологическим, а по националистическим разногласиям. В каком-то смысле его недовольство Мюллерами напоминает недовольство тех, кто возмущается немецкими чемоданами, опустошающими магазины Парижа, немецкими ртами, поглощающими всю французскую рыбу, всю французскую требуху, все французские пироги и пьющими французский коньяк на глазах у жаждущих французов. Воинственности, той самой, которая появилась у де Голля в годы холодной войны, о которой писал Михалков, ему очень не хватало в годы горячей антигитлеровской войны. Один из советских генералов так и сказал о французах, опоздавших на подписание акта капитуляции: “*Они и сюда опоздали.*” Тем не менее, как Австрия оказалась среди жертв гитлеризма, невзирая на её эсэсовщину, так Франция ухитрилась оказаться среди держав-победительниц, несмотря на массовый коллаборационизм и, более того, несмотря на французскую артиллерию, авиацию и флот, воевавшие на стороне Гитлера. Сербы внесли большой вклад в победу. Черчилль, который, как явствует из книги Берберовой, также относился к де Голлю, мягко говоря, с недоверием, тем не менее настоял на привлечении Франции к пиру победителей. Оно и понятно из соображений циничной политики, в которой Черчилль был виртуоз. Чтоб на пиру победителей пирог поверженной Германии делить не на три, а на четыре куска. Но после победы над Гитлером де Голль, названный героем национального сопротивления, создал, по сути, коллаборационистское правительство с вишистскими деятелями, не с высшими, такими как Петэн и Лаваль (тех судили), но со средним звеном. Не с Петэном, а с Папеном, занимавшимся в правительстве Виши депортацией евреев, которого много десятилетий спустя начали преследовать, судить и даже недоумевать, как он оказался в правительственных кругах послевоенной Франции. Что тут недоумевать? Посмотрите газеты тех лет, спросите у последователей де

Голля, как он оказался и кто его пригласил. Да он ли один? Он и ему подобные, которые отправляли эшелоны с евреями в лагеря смерти и участвовали вместе с эсесовцами в облавах на сопротивляющихся. Не то французское большинство сопротивляющихся, которые были недовольны отсутствием в магазинах требухи, а то незначительное меньшинство, которое всё-таки сопротивлялось с оружием в руках. Таких было немного, и некоторые даже погибли. С уцелевшими из этих немногих, условно сопротивлявшихся, де Голль в коалицию не вступал. Среди них было много идеологических противников-коммунистов, даже евреев. Правда, привлек в правительство Мальро министром культуры, чем очаровал и примирил с Францией Илью Эренбурга. Мальро играл при де Голле ту же роль, как Д'Анунцио, хороший, кстати, итальянский писатель, при Муссолини. Не знаю, был ли Д'Анунцио министром, но роль схожа. Так же, на мой взгляд, схожи политически де Голль с самим Муссолини. Не с Гитлером, но с Муссолини схож. Разница лишь в том, что Муссолини был социалистом, а де Голль – консерватор, что вполне в духе консервативного офицерства времен дела Дрейфуса. Не был де Голль чужд и юдофобству, превосходя в этом, на мой взгляд, даже самого Муссолини, который, несмотря на свой фашизм, пристрастием к юдофобству не отличался. Конечно, в духе *“истинного француза”*, того француза, который по телевизору, весело скалясь и попивая бордо, сказал, что отправка еврейских детей в концлагеря была неплохим делом, де Голль не высказывался. Так де Голль не высказывался, но расхожие формулировки, типа: *“евреи виноваты”*, во время студенческих завихрений 68-го года и прочих подобных дел он использовал. Разумеется, были у него полезные евреи, у кого их нет. Даже у гестапо были полезные евреи, правда немного, которые узнавали бесполезных евреев на немецких улицах, чем помогали отправлять этих бесполезных в лагеря смерти. Позднее, по разным причинам разругавшись с Францией, которая, по мнению де Голля недостаточно его оценила, де Голль удалился в своё небольшое имение. Я помню это выражение *“небольшое имение”*. Наверное, в этом небольшом имении была небольшая библиотека. Вряд ли де Голль

был слишком большим книголюбом: Вольтер, “Ахтунг, панцерн” (“Внимание, танки”) гитлеровского фельдмаршала Гудериана, книги Мальро с авторскими надписями и неразрезанными страницами. Но я предполагаю, что среди этих книг, если порыться, можно найти книгу Э. Дрюмора “Les juifs français” (“Французские евреи”), впервые изданную в 1886 году. С тех пор она много раз переиздавалась. Либеральный и политический футурист конца прошлого 19-го века предсказывал, что антисемитизм теряет почву под ногами по мере роста капитализма и способствующего ему социалистического движения, особенно во Франции, где он был будто бы искусственно развязан клерикально-монархическими кругами, а теперь, после дела Дрейфуса 1899 года, теряет почву под ногами, также приходя в упадок как движение политическое. Не буду говорить о духовной почве антисемитизма, которая имеет лишь отчасти оттенок ксенофобии, ибо ксенофобия без иностранцев не существует, а антисемитизм очень даже существует. Скажу о социальной почве, которая в стране мелкой буржуазии, какой была Франция, для антисемитизма очень плодотворна. Еврейская община Франции издавна значительна. Но враждебность к ней связана не столько с обычной ксенофобией, сколько с мифом, не имеющим к реальности никакого отношения, и по-французски впервые изложенным Э. Дрюмором в 1886 году. Дрюмор Эдуард Адольф (второе имя неплохо звучит!) был, кстати, не только журналистом, но и театральным критиком, подвизаясь в разных газетах и журналах. Одно время даже работал у еврея Вантиро Перейре в “Либертэ”, прежде чем основал свой орган “Либрэ Пароль” (“Свободное слово”). Так что не впервые евреям выращивать змею на своей груди. Хотя это очевидно содержится в мазохистской еврейской ментальности. Конечно, как вообще в подобных произведениях и печатных органах, аргументы подменялись развязным пафосом, но без развязного пасквильного пафоса, без воодушевления и подъёма в речах и писаниях антисемитская литература, антисемитская печать, прошлая и нынешняя, явная и прикрытая либерализмом, вообще невозможна. Как правило, она адресована массе, толпе, а еще Голсуорси словами одного из сво-

их персонажей говорит: *“Никаких фактов! Народу нужен только пафос!”* Французы, французская толпа особенно падки на пафос, как мухи на мед, если вспомнить французскую историю, особенно так называемые “Свобода, Равенство, Братство” и т.д. Тут следует, однако, обратить внимание на один момент. Как правило, ксенофобия и лишь отчасти связанная с ней юдофобия исходят от местного, туземного, так называемого коренного населения. Так было во Франции времён Дрюмора и дела Дрейфуса. Не было такого, чтобы юдофобия главным образом исходила от приезжих, от некоренных, которые сами могут стать и становятся объектом ксенофобии. Но именно это ныне происходит в современной Франции, возглавляемой неоголлистским президентом Жаком Шираком, последователем де Голля. Я имею в виду так называемую арабскую общину Франции. Это прежде было невозможно, это, может быть, даже самому Дрюмору не понравилось бы, чтобы иностранцы взяли в свои руки законное, по его мнению, право на французский антисемитизм. Впрочем, это не впервой. Ведь при немецкой национал-социалистической оккупации немцы взяли это право в свои руки, а французы с ними как бы коллаборировали. А ныне, при второй национал-исламистской арабской оккупации, дело юдофобства взяли в свои руки арабы, национал-исламисты. И опять французы в значительной своей части с ними коллаборируют. Я не оговорился, я считаю нынешнюю Францию опять оккупированной. Со своей, конечно, спецификой. И нынешний Петэн называется Жак Ширак.

Глава 3

Нынешний французский президент голлист Жак Ширак, кстати, не только ростом, но и статью и конфигурацией своей удивительно похож на самого де Голля. Лица, правда, разные, у де Голля более заострённое, а у Ширака круглое. Я о Шираке стишков писать не намерен, как С.В.Михалков о пестухе – де Голле, хотя Ширак хорошо по-русски рифмуется, но в прозе о нём скажу. Есть такие столбообразные фигуры, о которых говорят “*шапагу проглотил*” и в которых отражен характер фанфарона, любящего говорить фразисто. Причем оба столбообразны, так что создаётся впечатление, что между де Голлем и Шираком хоть телеграфные провода проводи. Впрочем, судя по прошлым высказываниям де Голля и нынешним Ширака, меж ними беспроволочная связь, что-то вроде чародейства Калиостро, дающего советы с того света. Французы считают себя одной из самых остроумных наций Европы. Французская история, однако, это не подтверждает. Нация, где преобладает столько водевильного пафоса, особым остроумием не отличается в главных вопросах жизни. В мелочах, в водевильных мелодрамах Лабиша и Бомарше, в сатирах Мольера – другое дело. Однако именно эти авторы показывают, что происходит с французами, когда они теряют остроумие. Ведь именно в делах серьёзных остроумие особенно необходимо. При всей склонности итальянцев к театральности трудно себе представить, что героем или вождём итальянцев мог бы стать Тартюф. Итальянский дуче Муссолини на первом своём этапе всё-таки провёл социальные реформы в интересах низших слоёв. А что сделал для Франции де Голль? То, что де Голль не выиграл войну против немецкой оккупации, хотя ему и приписывается вклад в выигрыш войны, я уже писал. Но как он проиграл войну с арабским Алжиром, которого политически и милитаристски поддерживал советский империализм? Надо ли было эту войну проигрывать, другой вопрос? Многие авторитеты, в том числе

военные, считают по сути петэновскую капитуляцию де Голля предательством. Однако, дело не в этом. Колониальную войну можно было закончить и вничью, почетным миром, как в конце концов окончилась вьетнамская война. Однако, как де Голль, герой Франции, не сумел выиграть войну, так он не сумел и проиграть. Удачно проиграть войну, может быть, более высокое искусство, чем войну выиграть. Проигрыш войны во Вьетнаме не стал для Франции катастрофой, не привёл к фактической оккупации Франции, а алжирская война, которая велась со взаимной жестокостью, привела к тому, что миллион французов был из Алжира изгнан, многие убиты, имущество французов конфисковано. В то же время арабская масса ринулась во Францию, образовав многомиллионное арабское лобби, подчинив Францию своим интересам и навязав ей свои нравы, обычаи и законы. Где же хваленый французский патриотизм? Где национальная гордость? Где, наконец, на худой конец, рождённый во Франции наполеоновский шовинизм, названный по имени наполеоновского сержанта Шовинье? Как садизм имеет своей оборотной стороной мазохизм, так шовинизм, рождённый во Франции, имеет своей оборотной стороной также рождённый во Франции коллаборационизм. От слова “сотрудничество”, которое подменено. И этой подменой Франция обязана не только Петэну, но также и де Голлю и Шираку. Притом, если при Петэне коллаборационизм, по крайней мере в определённой парижской интеллектуальной среде, пусть подспудно, но осуждался, и существовало пассивное сопротивление, хоть и на уровне недовольства от отсутствия в магазинах требухи, то при де Голле и Шираке коллаборационизм стал модой и даже является прогрессивным. Конечно, под другим наименованием. Коллаборационизм – сотрудничество с арабским миром. Во французской же прессе, особенно нынешнего времени, он принял совершенно бесстыдные формы проарабской и антиизраильской активности. Притом, если во время прошлой немецкой оккупации пропагандой сотрудничества занимались газеты правого фашиствующего направления, то ныне пропагандой сотрудничества с арабским национал-исламом занимаются центристские либералы из “Ле Монд”, консерваторы из “Фигаро”, социалисты из “Либерасьон”, католики из

“Ле Круа”, коммунисты из “Юманитэ”. Все эти газеты и журналы мне известны, и я с ними прежде тоже коллаборировал, т.е. сотрудничал, правда, в другом смысле и на другой основе. Знаю, что по направлению эти органы и раньше были не слишком дружественны еврейскому государству, а более склонны к арабскому миру. Но всё-таки ранее они старались хоть приличия соблюдать, хоть какое-то шаткое равновесие соблюдать. Теперь это шаткое равновесие и всякие приличия потеряны. Надо также сказать, что всеобщая неприязнь к немцам во Франции во времена немецкого коллаборационизма существовала, а после немецкой капитуляции вылилась в эксцессы, убийства безоружных немецких солдат и офицеров на авеню Клебэр и в прочих местах. Но отношение французов к арабам иное, и арабскую оккупацию, перешедшую в колонизацию, французы переносят гораздо легче. Тем более магазины и рестораны при арабских национал-исламистах не те, что при национал-социалистах – рыбы вдоволь, а в требухе нет надобности, поскольку на среднестатистического француза приходится теперь где-то 100 кг мяса в год, а это для среднестатистического француза главное. Во Франции много церквей, посвященных тому или иному святому, но понастоящему французы молятся в своих святых ресторанах. Если, конечно, арабы не осерчают и не подложат туда бомбу, как уже случалось. И после арабских бомб французский проарабизм от того не изменился. Представляете себе, если б евреи хоть раз подложили бомбу. Какая бы погромная дрейфусиада началась?

О порабощении Франции. К слову сказать, среди прочих требований арабских террористов, подкладывающих бомбы во имя освобождения своих собратьев и для усиления борьбы с сионизмом (куда уж усиливать!) было и требование замены во Франции христианства на мусульманство. Перед всеми иными требованиями французы капитулировали, последнее пока не удовлетворили. Но если деголлешизм во Франции будет продолжаться, поддержанный газетами, а значит, и частью коллаборирующего населения, то кто его знает? Появится исламская республика Франция, член Лиги исламских стран. Можно допустить любые фантазии в нынеш-

ней французской политической фантазмагории. Неужели, никто не сопротивляется? Сопротивляются. Сопротивляется Ле Пэн и его сторонники. Разве это не ваш позор, мадам и месье, что национальные интересы Франции защищает от национал-исламизма и оккупации последователь сержанта Шовинье. Выступая по французскому еврейскому радио, я сказал тамошним еврейским либералам: *“Не надо вам встречать в ссору между Ле Пэном и арабами на стороне последних”* – *“Как? Он французский националист, он шовинист, он расист!”* Ну, если уж говорить о расизме, то худших расистов, чем арабские национал-исламисты не найти. Притом Ле Пэн – расист у себя дома, а арабские исламисты – расисты в чужом доме. Конечно, Ле Пэн говорит глупости, нелепости (газовые камеры Аушвица лишь эпизод войны и т.д.), однако разве только Ле Пэн говорит нелепости и глупости? Может, он просто не знает, что Гитлер проиграл войну даже не морально, а чисто военно-оперативно очень в большой степени из-за своих газовых камер. Точнее, из-за геноцида украинских евреев, которым он отдал предпочтение даже перед захватом Москвы. Вместо того, чтобы идти на Москву по сухим дорогам, как предлагал победитель Парижа Манштейн, Гитлер повернул войска на Украину. Но что требовать от сержанта, если интеллектуалы – журналисты, профессора и прочие привилегированные верхи Франции проявляют историческое невежество, а то и просто фальсифицируют историю в своих речах и на страницах своих газет. Каков бы ни был Ле Пэн, он еще ни одной синагоги не поджег. Мне просто интересно, что пишет связанная с Ле Пэном пресса о погроме арабскими бандитами и хулиганами, притом в условиях полной безнаказанности, еврейских синагог, домов культуры и прочих еврейских учреждений в той самой Франции, в которой свобода, равенство, братство. Илья Эренбург, которого начало немецкой оккупации 1940 года застало в Париже, сообщает: *“В квартале, где жили евреи – выходцы из восточной Европы на улице Родье метались в ужасе бородатые старики. Немцы забавляясь, их попугивали. Всего навсего через год на Украине они погнали этих стариков, а также женщин и детей во рвы на расстрел”*. Ныне, я слышал, в

Стратсбурге молодые арабские хулиганы окружили раввина и издевались над ним. Позор и проклятие Франции с её свободой, равенством и братством! Появившиеся лицемерные протесты никого обмануть не могут. Это всё равно, что сыпать чистый пепел Холокоста на свои нечистые головы или нечистыми словами оплакивать по- крокодильи на страницах своих газет рядом с антиизраильской злобой. Такой разгул возможен только в условиях бесстыдного правительства во главе с Шираком и, что еще хуже, в условиях полного взаимного бесстыдства французских газет, потому что президенты приходят и уходят, а газеты остаются, как и Эйфелева башня, с которой, может, очень скоро начнёт кричать муэдзин или какой-нибудь исламский проповедник, полный злобы на евреев. Илья Эренбург пишет о временах немецкой оккупации: *“Новая газета “Ля Франс” учила читателей: В каждом из нас есть крупица еврейского духа. Поэтому надо учинить внутренний душевный погром”*. Я знал некоторых сотрудников-журналистов из “Фигаро”, “Ле Монд”, “Либерасьон”, “Нувель Обсерватэ”, некоторые бывали у меня дома, у некоторых я бывал, брали у меня интервью. Частица того, что “Ля Франс” называет еврейским духом, т.е. библейско-христианским миропониманием и мироощущением, в них существовала, однако, судя по нынешнему направлению французской прессы, эта частица подвергнута душевному погрому. Они уже учинили такой погром в себе, ибо их писания мне напоминают плевки на собственный подбородок или в собственную душу. О чем же пишут французские газеты и что сообщается в радиообзорах французских газет? В Израиле, как я уже говорил, засилье левого направления со всем подобным перекосом. Во Франции ни левых, ни правых, ни либералов, ни коммунистов, ни католиков в писаниях о Ближнем Востоке. Никакой демократической разноголосицы. Все поют в общем хоре на одной высокой ноте – на арабской, антиизраильской. В этом вопросе так было издавна. Голлист Ширак с пафосом заявил недавно в Ливане о предоставлении Францией этой стране независимости в 1943 году. Какой Францией: генерала де Голля или генерала Денца? Хотя во многом различия между ними не было – тот же флаг, тот же гимн – “Мар-

сельеза”, тот же девиз “Вив ля Франс”. Старые франко-арабские связи не только надпартийны, но и надидеологичны ещё с тех времен, когда идеологией французов было – к какой стороне примкнуть, чтобы оказаться среди победителей. Тут были некоторые разногласия, но не в отношениях с арабами. В 1943 году Франция предоставила арабам Ливана независимость, а арабам Палестины предоставить не смогла, несмотря на эсминцы класса “Шевалье Поль” и ожесточенные рукопашные схватки вблизи ливано-палестинской границы. Деголлевцев не называли тогда французами, чтобы не путать их с французами-вишистами. Французы воевали с французами, причем их ожесточение представляется мне по сравнению с ожесточением советско-германского или даже англо-немецкого фронта чем-то вроде схваток гвардейцев с мушкетёрами из “Трёх мушкетёров”. Но лозунг был общий “Вив ля Франс”. И цель на Ближнем Востоке была общая – проарабская Палестина. Моше Даян против этой цели французов воевал и получил пулю в глаз. Однако тогда на Ближнем Востоке не было мирного процесса, с помощью которого хотят ныне достичь этой цели, т.е. проарабской Палестины. Существовал разумный моисеев принцип – око за око. Голубая мечта иерусалимского нацистского муфтия не осуществилась, хоть и по сей день нынешний иерусалимский муфтий с мечети Аль Акса – арабской святыни, построенной на древних еврейских костях, призывает к уничтожению евреев. А современный родной племянник прогитлеровского муфтия, нацистского исламиста, лауреат Нобелевской премии Мира Арафат не отказался от арабской голубой мечты, умело сочетая мирный процесс с интифадой. Идеи, вообще-то, международной.

Онкель Роммель, дядя Роммель, как его называли дети Геббельса, слал с Ближнего Востока сладости деткам Геббельса, может быть, и Гитлеру. Гитлер был сладёна. В Париже на площади Трокадеро с парашюта смотровой площадки Эйфелевой башни, пейзаж которого тогда не был испорчен уродливыми безликими башнями многоэтажек парижских предместий, заполненных ныне арабскими массами, Гитлер с воодушевлением топнул ногой. В кафе на Трокадеро Гитлер с аппетитом съел большой кусок эльзасского торта и тёплый

французский саварен с ромом и со взбитыми сливками. Во Франции тогда было голодно, и со сладостями было туго. Французские газеты сообщали, с какой жадностью глотали слюну французы, глядя как Мюллеры брали пирог с маком и проглатывали. Но я думаю, что Гитлер глотал специально для него изготовленный эльзасский торт и французский саварен под жадными взглядами французских коллаборантов, опекаемый агентами гестапо. В голодную свою венскую молодость у сладёны Гитлера не было денег на австрийский торт “Заахен” и на “Гугель хупф – ванильную бабу”. Начинаящий художник и несостоявшийся архитектор мечтал о Париже, об Эйфелевой башне, о парижской опере и прочем, что не мешало ему впоследствии дать распоряжение, к счастью, не исполненное, стереть Париж с лица земли.

Арабские национал-исламисты, как известно, тоже сладёны со своей, конечно, восточной спецификой, шербет и прочее. Но, может быть, почувствовав себя неуютно в Париже, они тоже захотят стереть его с лица земли? Начало уже положено – бомбы на улицах, в магазинах, ресторанах. Однако о прошлой истории, как и о мёртвых, многие придерживаются принципа помнить или хорошее, или ничего. Этот принцип в отношении мёртвых я считаю неправильным, а в отношении истории он вообще опасен. Тогда в начале сороковых прошлого века при всех разногласиях французские генералы де Голль и Денц сходились в вопросе об арабской политике. Чтобы осуществить мечту арабов – сбросить еврейское население Палестины в море, которое в Палестине заменило бы Бабий Яр и Аушвиц. И Роммель, лис пустыни, тоже придерживался того же мнения. Правда Петэн, Лаваль и Денц были более либеральны: *“Евреи будут изгнаны из новой Европы и новых арабских государств”*. Куда изгнаны, не сказано. Возможно де Голль был в этом вопросе не менее либерален, несмотря на свою натуру консервативного офицера в духе антидрейфусаров с их лозунгом *“Да здравствует армия! Долой жидов!”*, подхваченным тогда не только консьержками, но и интеллектуалами. Так что Эмиль Золя оказался в одиночестве. Но тогда хоть сами французы юдофобствовали, а ныне и в этом вопросе потеряли свой националь-

ный суверенитет, коллаборируя с арабскими погромщиками и переполняя свою прессу антиизраильскими проарабскими писаниями. Особенно “Ле Монд”, которая в общей антиизраильской гонке держится на пол-ноздри впереди. Правда “Ле Монд” пытается настичь еженедельник “Экспресс”. Но с “Экспресс” я не общался, а с “Ле Монд” общался, повторяю, не политически, а литературно. Политически они и тогда были мне чужды, однако чуть-чуть сдерживались, объективничали, как полагается respectable газете, а не какой-нибудь “Правде”. Теперь в своём антисиионизме не только “Правду” догнали, но и к Штюмеру подбираются. Там у Штюмера в большом почете были карикатуры. Карикатура “Еврейская армия в Палестине”: тонкий солдатик в английской круглой каске с шестиконечной звездой на груди, которую гитлеровцы заставляли носить евреев; к нему прижался раввин, смешно изображённый с большими острыми усами и круглыми глазами, а против огромный мускулистый араб, засучив рукава, грозит тяжёлым кулаком. Отчего бы не взять эту карикатуру в “Ле Монд”, тем более что владелец копирайта Штрайхер умер. Повешен в Нюрнберге, своём родном городе, а наследники сбежали в Аргентину. Штрайхер, из всех нюрнбергских висельников единственное негосударственное лицо, – журналист, коллега многих нынешних писак, и частный издатель газеты “Штюмер”. Но по бесноватому юдофобству превзошел даже многих гитлеровцев. Гитлер со своим черным чубом внешне напоминает черта, выскочившего из табакерки, а Штрайхер, заплывший жиром, с яйцеобразной лысой башкой, скорее, чтоб не обижать свинью, жирного червя. Но темпераментом превзошел многих. И Геббельса, и Гитлера. Не знаю, какие были последние слова Гитлера, склонного к депрессивным перепадам и поддерживающего себя шведскими таблетками, добываемыми Борманом, но когда вешали Штрайхера, он крикнул американским сержантам, одевавшим на его сальную шею петлю: “*Вы празднуете свой красный Пурим!*” Это были последние слова оберюдофоба, после чего он замечательно захрипел. Мне нравятся, когда такие замечательно хрипят. Я думаю, библейский Амман также замечательно хрипел. И повесили Амма-

на на дереве, которое он приготовил для Мордехая (*книга Эсфирь, капитал 5, стих 10*). В месяц Адар, как говорят, произошло чудо спасения евреев от истребления. Хотя чудом я бы это не назвал. Чудо, повторяющееся на протяжении десятилетий, – закономерность. Говорят, смеётся тот, кто смеётся последним. Я бы сказал, плачет тот, кто плачет последним. Хотя еврейский народ пролил много слёз, в конечном итоге последними всегда плакали его враги. В честь этого вражеского плача и возник весёлый еврейский праздник Пурим. Невежественные поганцы, выдумавшие кровавый навет потребления евреями христианской крови (потребление крови, вообще, запрещено в кошерной пище), тут просчитались. Выдумали бы лучше про уши, ибо вражьи уши евреи действительно потребляют во время весёлого праздника Пурим. Гоменташи – это уши Аммана. Традиционно треугольной формы, испеченные из дрожжевого теста с начинкой из мака, мёда и изюма. Эдакое весёлое сладкое людоедство. Ибо в древние пещерные времена евреи, которые тогда ещё не были евреями, а были, как и остальные, обыкновенными пещерными троглодитами, должно быть, поедали уши своих врагов. Это, может быть, осталось в подсознании. Один знакомый африканский людоед, я о нём ещё когда-нибудь напишу, но не здесь, конечно, рассказал мне, что у жареного человека наиболее вкусны уши. Я ему верю, поскольку признаюсь, что, не будучи набожным евреем, потребляю свинину и считаю уши жареного поросёнка деликатесом. Так что, может быть, евреи, которые по Библии самый древний народ божьего мира, инстинктивно в Пурим, весёлый праздник избавления от врага, стремящегося уничтожить евреев, едят печёные из теста уши своих врагов, а не какие-нибудь носы или что-нибудь другое. Так я предполагаю. Но о Пуриме, весёлом празднике, надо бы напомнить тем, кто в очередной раз мечтает сотворить геноцид против евреев и, что, по-моему, одно и то же, против еврейского государства. “*Татомордхиго*” – так убийство государства на эсперанто. И не только таким мечтателям, но и тем, кто с ними коллаборирует. Такие моральные “*крибрубо*”, что на эсперанто означает “урод”, к печали и к моему великому возмущению существуют и внутри Израиля

в левых интернациональных кругах, подтверждением чему служит г-н эрудит, изложивший свои соображения в частном письме.

Красота, как физическая, так и моральная, разнообразна, уродство, физическое и моральное, однообразно. Как физические уроды, идиоты однообразны и подобны лицами, так моральные уроды однообразны и подобны своими идиотскими мыслями, даже если они облакаются в интеллектуальную упаковку. Как-то они друг друга находят, как-то они друг с другом перекликаются, перемигиваются, перешептываются. Разве не характерно, что президент Израиля Вейцман, к счастью, бывший президент, своей недостойной старостью опозоривший свою достойную молодость, сошёлся с нынешним президентом Франции Шираком. При посещении некоторое время тому назад Шираком Израиля Ширак вёл себя не только проарабски и антиизраильски, но и внешне смешно. На улицах Восточного Иерусалима он с искажённым лицом перед телекамерами как французский торговец капустой ругался с израильянами, его сопровождавшими, – якобы, не дают ему общаться с дорогими палестинцами. “*Я сейчас прерву свой визит и уеду*”, – орал Ширак. А те ему еще вежливо объясняли обстановку в Восточном Иерусалиме, что по голове могут ударить, не разобравшись в его, Ширака, проарабских чувствах. Натаниелу лично объяснял со связанным с этим этикетом. Эту односторонность Ширака заметили и отметили даже немецкие журналисты, которые сами большой объективностью в арабо-израильском конфликте не отличаются. Ширак выступил перед палестинцами в так называемом палестинском парламенте, но отказался выступать в Кнессете. Когда один из депутатов Кнессета назвал Ширака антисемитом, тот саркастически рассмеялся техническим смехом провинциального актёра из водевиля. Насчет антисемитизма Ширака еще раз вспоминается точное определение Хэмингуэя, который сказал, что в Америке есть люди, которые сами еще не знают, что они фашисты. Или у Мольера в “Мещанине во дворянстве” главный герой, впавший в манию величия, даже не подозревает, что он говорит прозой. Возможно, Ширак действительно не знает и не подозревает, о чём он гово-

рит. Может, и французская пресса сама не подозревает, кто она в действительности. Как, впрочем, и иные израильские интеллектуалы левого миролюбивого направления, большие сторонники ближневосточного мирного процесса и притом по главному вопросу мирного процесса, который они кощунственно признают вопросом о существовании еврейского государства.

Я французским владею не блестяще (это мягко говоря), но, тем не менее нынешние французские газеты просматриваю. Потому что не надо хорошо владеть французским, чтобы понять антиизраильскую, проарабскую французскую прессу. По фотографиям, по карикатурам, по заголовкам, по тем или иным фрагментам я всё-таки могу понять с помощью франко-русского и русско-французского словаря. Тем более, что между Францией и Россией, между французским и русским языками давние связи – давний коллаборасион. Стрелка-указатель в парижском метро – “*sortie*” – выход. Идут по направлению стрелки, то есть ищут туалет. Вспоминаю в который раз Салтыкова-Щедрина “литературно-политический нужник”, просматривая французские газеты. “Глаз” труднопроизносимое слово “зье”, что-ли. Зенки. “У, зенки бы мои тебя не видели”. Вот именно, зенки бы не видели. Интересно общее французское слово “томбе” – падать, “бэссэ” – понижать, “пердр” – терять. Падать духом – “пердр кураж”. Последнее особенно понятно по русски. Падать и терять – нечто подобное по-русски и по-французски. Что упало, то пропало. Отсюда понятие “пердр кураж” – терять дух. Листаешь нынешние французские газеты, даже не владея французским языком, и всё равно ощущение “пердр кураж” – “потеря духа” как у Салтыкова-Щедрина в литературно-политическом нужнике. Падать можно по всякому, можно падать честно и с достоинством, но можно терять и совесть, и здравый смысл. И обуреваемым общим хоровым направлением, оглушенным собственной риторикой, ослепленным истинно проарабскими идеями можно даже терять инстинкт собственного самосохранения. “Пердр кураж” – терять дух. Я читал, где-то в дореволюционное время был хор донских казаков, который исполнял донские казачьи песни, своеоб-

разно подпевая с другого конца “пердр кураж”, но по нотам. Хор этот пользовался большой популярностью среди иностранцев, особенно французов, которые тоже любят “а ля рус” – всё по-русски. Раньше в России простонародье, особенно лакеи, любили говорить по-французски, конечно, не так хорошо, как французские лакеи или кухарки, но всё-таки говорили. Смердяков у Достоевского по-французски выражался. Или у Аверченко, о русском писателе-эмигранте, выехавшем в Париж: *“Русский пароход покидал русские берега, отправляясь за границу. Опершись о борт, стоял русский писатель рядом со своей женой и тихо говорил: “Прощай моя бедная истерзанная родина. Уже на горизонте маячит Эйфелева башня, Нотр Дам, Итальянский бульвар. Но ещё не скрылась из глаз моих ты, моя старая, добрая, так любимая мной Россия” и т.д.*”. Я не намерен вместе с Аверченко смеяться над этим бедным писателем, потому что и сам был подобным, отличаясь всё-таки, как и многие из моей эмиграции от эмиграции прежней тем, что те, уезжавшие, ещё в России знали, что нужник, то есть уборная, пофранцузски не “сортир”, а “туалете” или ещё проще “кабинет”, то есть где заседают у Маяковского прозаседавшиеся. По моему, у Маяковского, весёлого сатирического похабника, был и тайный смысл. Сильны французские мотивы у Маяковского. *“Он был монтёром Ваней, но в духе парижанина себе присвоил звание – электротехник Жан”*. *“Я хотел бы жить и умереть в Париже, если б не было такой земли Москва”*. Умер в Москве, поскольку в Париж умирать его не пустили. Не пустили быть похороненным на кладбище Сент де Женевьев де Буа. Насчет “умереть” особый разговор, но жить я тоже хотел в Париже, и, как уже писал, это одна из тех немногих ошибок, которые я не совершил. Русский писатель у Аверченко, попав в Париж, начал писать: *“Я есть большой замерзавец на свой хрупкий организм”*. *“Послушай”*, – робко возразила жена, – *“Разве есть такое слово “замерзавец?”* *“Ну да, человек, который быстро замерзает”*. Пишу дальше. *“Очень Вас прошу, подайте мне”*, – сказал этот молодой господин, – *“один застегай, немножко посенфре (картошки) и одну рюмку рабиновку”*. *“Кто такая рабиновка?”* – *“Это такая дю водка”*.

– “По-моему это еврейская фамилия. Рабиновка – жена Рабиновича”. О Рабиновиче в Париже в те времена Аверченко писал более-менее спокойно, без той неприязни, которую мы встречаем в нынешних писаниях французских газет. Тогда во всё время были совсем другие. “На улице Сен Мишель облюбовал себе рагу из кролика”. Очевидно, в те времена кроличьи фермы преобладали над индюшачьими, и рагу из кролика было чем-то вроде индюшачьих крыльев – “крыльев советов”, как их называют нынешние эмигранты, которые едят их пока ещё не удаётся устроиться в приличное учреждение, например, на РФИ – французское радио. Не знаю, как оплачивается герою Аверченко служба на улице Мербур, но, судя по всему, офранцузился он достаточно быстро и стал писать: “Была большая дождика. Погода была, что это называется “Вертикаль бюжу”. Один молодой господин ходил по одной улице по имени сей улицы Крещатик. Ему очень хотелось манже. Он заходил на конюшню сестры на медведя и поехать в ресторан, где сказать гарсону: “Рабинович, одна растегайчик-сухан”. – Уже и кухни перепутал, не то что языки. Но те, кто первоначально питались рагу из кроликов, и те, кто первоначально ели “крылья советов”, в деле языкознания отличались друг от друга тем, что последние начинали, как правило, с нуля и потому сумели сохранить русский, освоив бытовой французский. С нуля начинать легче, путаницы нет. Легче отделить один от другого. Конечно, твёрдого правила нет. Но у меня такой опыт. Идиш, еврейский жаргон, который я знаю не блестяще, но всё-таки знаю, первоначально помогал, а затем мешал мне освоить немецкий. Во французском, как мне сказала учительница, при моём не блестящем, мягко говоря, знании у меня было неплохое произношение того, что знал, но я не доучился, о чем не жалею. Зачем мне французский, если я теперь не только не намерен там жить, но даже туда приезжать. Лишние языки обременяют, так же как и лишние вещи. По крайней мере, меня.

Глава 4

Я слышал, что Ширак говорит по-русски. Не думаю, что блестяще. Так “А ля рус”, наподобие франко-русского разговорника 1812 года во времена похода Наполеона. Там есть такие выражения: “*Господин мужик*” или “*Я алчу кушать*”. Можно, однако, не только коряво говорить, но и коряво мыслить. Писать коряво о России, Израиле, о Косово, где одинаковые положительные герои – исламисты, требующие, видите ли, независимости в Косово, на Ближнем Востоке и в Чечне. Мирное, видите ли, население страдает. От чего же страдает мирное население, если оно, конечно, мирное? От чего страдало мирное немецкое население, когда бомбили Германию? Отчего Дрезден сгорел как Содом? Кто виноват? Не Гитлер ли? Не те ли независимые, которые в Чечне создали рабовладельческий бандитизм, а в Израиле гонят “мирное” пушечное мясо на приступ Иерусалима? Арабские детки, бросающие камни, кстати, учатся в школе по картам арабской Палестины, по тем самым учебникам, где еврейское государство уже уничтожено. Писали ли о том французские газеты? Не думаю. Листал, не заметил. Вещало ли о том французское радио? Не слышал. Лгать можно двояко: можно говорить неправду и можно не говорить правду. Сразу же после первого взрыва дома в Москве, который интеллектуалы объявили провокационным, спровоцированным КГБ, я писал в статье “*Национал-социализм и национал-исламизм*” : “*А дома в Нью-Йорке кто взрывал? ФБР? Это один преступный почерк, одна рука, одни интересы международного национал-исламизма*”. “*Нет ничего опаснее независимого преступного режима*”, – писал я 18 сентября 1999 года. Во что обошлась независимость национал-социалистического гитлеризма известно. Её пришлось оплачивать потоками крови, в том числе и немецкой. Тем же может обойтись независимость национал-исламистских государств – Чеченского ли, Палестинского ли, учитывая ядерные, химические и биологические возможности современных средневековых изуве-

ров. Палестинские демонстранты восхваляют Хуссейна и требуют уничтожить Израиль химическим оружием. Один раз химическое оружие уже применялось односторонне против евреев в Аушвице и прочих подобных местах. Но если израильтяне запасаются противогАЗами, то арабы, по моему мнению, тоже должны запастись противогАЗами. Арабам, конечно, противогАЗы не пригодятся, если они не понадобятся израильтянам. А каким образом создаётся демократическое арабское большинство, тоже известно. С помощью погромов и изгнаний создавалось такое большинство в Хевроне и на всей иной древней земле Иудеи и Самарии. Теми же методами создавалось албанское национал-исламистское демократическое большинство на древней сербской земле в Косово. Я писал о том сразу же после начала натовского безумия. Я опубликовал это в России и на Украине. Но ни одна французская газета, впрочем, как и немецкая, не захотела это опубликовать. Это ваша свобода слова, медам и месье.

Какова эта свобода демократической печати продемонстрировал парижский еженедельник “Экспресс”. Некий журналист Атали показал эту свободу. С этим Атали я, слава Богу, не переписывался. Поэтому, в отличие от господина эрудита, левого израильского интеллектуала, изложившего мне в письме свои представления о будущем Израиля, этого автора называю. Удивительно схожи мысли у этих господ. Вряд ли сговорились. Тут однообразный перезвон, перекличка. Даже на фоне общего направления этот Атали выделяется. Так что в очередном обзоре французской прессы по французскому радио РФИ знакомый голос с неточным произношением буквы “р” прочел этого Атали в первую очередь. Такое впечатление, что писал Атали в нетрезвом состоянии. Во всяком случае, морально нетрезвом, а может быть даже и в обычном смысле. Фридрих Шиллер, кстати, писал, лишь выпив бутылку шампанского. Шиллером, конечно, в “пророческих” писаниях Атали и не пахнет, но бутылкой шампанского вполне. Хлопнул бутылку “Вдовы Клико” с легкой закуской. Говорят, что у пьяного на языке, то у трезвого на уме. Атали в “Экспрессе” выразил языком то, что у остальных французских журналистов на уме, а именно, – неизбежность

гибели еврейского государства. Так писали советские коллеги французских газетчиков из “Правды”, “Советской России”. Так пишут ныне коммунистические газеты в так называемой свободной демократической России. Израиль построен на песке, обречен на провал и в случае войны, и в случае мира. Последнее особенно подчеркивается. Читали ли израильские пацифисты во главе с лауреатом Нобелевской премии мира Шимоном Пересом писания Атали или хотя бы слышали о них? *“В случае войны, – излагает Атали, – Израиль обречен, несмотря на свою четвертую по силе армию. Потому что, видите ли, войну Израилю придётся вести колониальную.”* Тут, конечно, старый колониальный мотив, о котором я уже писал, потому что нет исконно еврейской земли. Есть исконно арабская земля, исконно французская земля, исконно русская земля, исконно японская земля, а исконно еврейской нет. Иудея и Самария, Западный берег Иордана – это тоже, видите ли, исконно арабская земля. Перес, будучи премьер-министром Израиля, куда он попал, по своему обыкновению, не будучи избранным, ибо он ни разу не выиграл ни одни выборы, а в результате смерти Рабина, быстро и услужливо предоставил своему собрату по премии Арафату древний город царя Давида и пасхальной звезды Бет Лехем (Вифлеем), где Арафат торжественно провозгласил Иисуса Христа палестинцем. А как же Священное Писание, старое и новое? Как же завет божий с Авраамом? Завет Господа, единственного истинного коренного жителя сей земли. *“Потомству твоему даю я землю сию.”* Просвещенные современные интеллектуалы, такие, как Атали и им подобные, считают, что это миф. То, что Мухамед в Коране поднялся на небо – не миф, а эти священные для иудеев и христиан книги – миф. Если это миф, то, как сказано в грубом, но справедливом одесском пляжном анекдоте: *“Или снимите крест, или оденьте трусы!”* В данном случае Атали придётся прикрыть своё моральное неглиже. Или снимите крест, или война за независимость Израиля является колониальной и вся израильская земля – это оккупированная арабская территория, как Арафат и его компания считает. И как, очевидно, считают явно или тайно их друзья из так называемой “междуна-

родной общественности”. История арабов это история колонизации чужих земель. В Средней Азии изувер Кубейла вырезал всех грамотных. Такова с давних времён нетерпимость национал-исламизма. России сильно повезло, что первоначально монголы были язычниками, терпимыми к чужой духовности. Когда во времена Ивана Грозного крымские татары, тогда уже мусульмане, хотели установить второе иго в России, то это грозило России духовной гибелью, уничтожением православия, от чего она спаслась победой под Серпуховым, где российские войска во главе с князем Михаилом Ивановичем Барятинским остановили татарское войско, победой гораздо более важной, чем Куликова битва. Российская история ведь тоже несправедлива и сфальсифицирована, как, впрочем, и израильская. Одних объявляют героями, таких, как Рабин и Перес, а подлинных героев, таких, как генерал Шарон, спаситель отечества в войну Судного дня, обливают грязью в угоду “международной общественности”. Тут, конечно, большую роль играют нечестные летописи, нечестные сочинители, нечестные журналисты. Были, конечно, и просвещенные арабские государства. Гренада, Кордова в Испании. Там процветали разные культуры и науки, в том числе и еврейская. Но где эти просвещенные Гренада и Кордова, где арабские поэты и ученые, многие из которых, кстати, и не арабы, как Абу Сина (Авиценна), средневековый врач и философ, похороненный в Бухаре на еврейском кладбище. Ныне возобладал Кубейла, законным наследником которого является Арафат и ему подобные арабские средневековые большие и маленькие святые, в том числе террористы и самоубийцы, и арабские дети – самоубийцы, бросающие камни и бутылки с бензином в вооруженных израильских солдат и погибающие во имя аллаха. Я уже писал, что дети – это те, кто берёт книги и идет в школу, где, к слову сказать, учатся по нормальным, а не по подлым учебникам, в которых соседние государства уничтожены. Те же, кто берёт в руки камень, бутылку с горючим, нож и стремится покалечить или убить, не дети. Их можно убивать и калечить. Гитлер тоже в конце своей деятельности перед крахом мобилизовал детей из Гитлерюгенда, дал им в руки фаустпатроны и автоматы. Они

убивали и калечили, и их убивали и калечили. Кто в этом виноват, не Гитлер ли? Не Арафат ли виноват в убийствах арабских детей? В Чечне при захвате русских армейских складов с оружием в правление бездарного Ельцина и лопоухого Гайдара впереди толпы шли чеченские дети, за ними женщины, а за ними вооруженные бандиты. А завтра они так на атомные склады пойдут в надежде на гуманизм, конечно, на односторонний. Почерк общий, национал-исламистский. Поэтому, когда пишет безнравственный Атали, что в колониальной войне арабские дети победят еврейских детей, мне вспоминается моё собственное детство на Украине, когда мне, почти всегда безоружному, приходилось противостоять вооруженным ножиками и камушками деткам. Именно таким, очевидно, деткам, которые теперь бросают камни и бутылки. В 14, 15, даже в 10 лет менталитет хулиганов особенно привлекателен. На этот хулиганский менталитет детей и подростков делает ставку Арафат. Особенное значение придаётся пропагандистскому эффекту в таких писаниях, как у Атали. Также и снимкам в газетах. В этих писаниях и снимках какая-то педофильская страсть к палестинским деткам. Тут “Ле Монд” впереди других бежит: *“Вооруженные до зубов израильские солдаты и палестинские гавроши”*. Посмотришь на арабские толпы, особенно на похоронах и молитвах, и думаешь: *“истинно вооруженные зубами, то есть зверски”*. Достаточно вспомнить, как замучили, растерзали двух израильтян, случайно заблудившихся и попавших в их ошестинившуюся зубами стаю. Весело, с остервенением, лакомясь еврейской кровью, растерзали. К слову сказать, вы, господа французские и прочие европейские демократы, возмущаетесь, что из-за ближневосточного конфликта дорожает бензин. Так, может, вместо бензина вы на еврейской крови ездить хотите? Вы, медам и месье из “Экспресса”, “Ле Монд” и прочих органов, сетуете, что израильская армия вооружена до зубов. Да, соотношение теперь не то, что было в варшавском гетто, в уничтожении которого, кстати, приняли участие как мусульманские легионы так и французские эсесовцы. Если б соотношение сейчас было тем же, то, не считаясь ни с какими ооновскими резолюциями, с израильским государством

поступили бы так же, как с израильскими резервистами, случайно попавшими в Рамаллу. Давно бы было не только растерзано, уничтожено еврейское государство, но произошел бы новый Холокост. И вы, лицемеры, на страницах своих газет и журналов, может быть, повсхлипывали бы, роняя крокодильевы слёзы, лицемерные, раз всхлипываете по прошлому Холокосту, по сути проповедуя Холокост новый, который из гуманных соображений хотели бы видеть без газов. Израиль, по выражению Атали, просто растворится, исчезнет. Это в случае “мира”, то есть завершится мирный процесс, как фантазирует Атали в “Экспрессе”. Образуется единое экономическое демократическое пространство, в массе которого Израиль исчезнет и израильтяне исчезнут, то есть евреи в еврейском государстве исчезнут. Само государство ассимилируется в демократическую Палестину. Ассимиляция – это уподобление, это мотив уподобления. Ассимиляция евреев давно и особенно популярна у евреев антисионистского толка, так называемых прогрессивных “юде”. Кто такой Атали? Не знаю его генеалогии, не копался, не заглядывал, но в мыслях он подобен израильскому левому сионисту-ренегату. Подобен ли этнически, не знаю. Знаю, что во Франции много скрытых евреев определённого толка. А если не скрытых, то по крайней мере просвещённых “интернационалистов”. Из тех, кто относится хорошо ко всем нациям, кроме своей. Они-то проявляют особое рвение в обличении израильских агрессоров и в проарабизме. Коллаборируют, особенно, интеллектуалы. Я поинтересовался всё-таки, кто такой Атали, поскольку с ним, слава Богу, не переписывался. Оказывается, их 3 брата, как мне сказали. Который из братьев написал, не знаю. Но писание о демократической Палестине заставило меня сменить гнев на смех. Атали это оказывается не Томас Мор, а Кампанелла, продолжатель философа-утописта Платона. Только вместо государства солнца у Атали в Палестине государство полумесяца. Имеются и иные совпадения. У Кампанеллы в государстве солнца общность жен, а тут в демократической Палестине многоженство. Политические фантазии Атали настроили меня на фантазмагорический лад. От парижского вокзала Монпарнас отправляется парижский

экспресс Париж – Газа – Иерусалим. Это стало возможным после завершения мирного процесса, восстановления мира на Ближнем Востоке, то есть исчезновения Израиля. Создан “международной общественностью” мост через Средиземное море. А строение моста через Средиземное море, на мой взгляд, задача более простая, чем построение демократической Палестины без вооруженных зубами палестинских толп. Построен мост. В первом поезде, конечно, президент Ширак. Кстати, получит кубок, поскольку помимо прочего Франция выиграла кубок по футболу на первенстве по Ближнему Востоку. Теперь кубок ближневосточного мира Шираку будет вручать сам Арафат, президент государства полумесяца. Арафат был также в хорошем настроении и даже гуманно учредил должность еврея при президенте, запретив этого конкретного еврея линчевать толпам, вооруженным зубами. Была в царской погромной России должность еврея при губернаторе, а тут еврей при президенте. На эту должность, конечно же, претендует и займёт её Шимон Перес. Эти выборы он в конце концов выиграет. Итак, приехали! Улыбающийся Ширак обнимается с улыбающимся Арафатом. Все почему-то любят обниматься и целоваться с Арафатом. Я ничего не хочу сказать, но это общеизвестный факт, закреплённый многочисленными фото – и кинокамерами. И тут на перроне Иерусалимского вокзала Арафат и Ширак, конечно, улыбаются, обнимаются и целуются. Ни тени злобы нет на их лицах, как у Ширака в тот печальный приезд его, когда Иерусалим и вся Палестина еще были оккупированы евреями. Теперь же от евреев в Иерусалиме и Палестине вообще и тени не осталось. Даже Стена Плача исчезла во имя создания единого демократического государства Палестины. На месте Стены Плача построена мечеть, числящаяся священной, с которой Арафат будет стартовать в небо. Исчез Яд Вашем, на месте которого построена другая святыня, арабская святыня, посвященная жертвам интифады. Вот такое фантазмагорическое логическое продолжение политических галлюцинаций Атали, название которым следует искать в эпонимическом словаре психиатрических терминов. Эпоним означает краткие биографические справки. Но, повторяю, биографии Ата-

ли я не знаю, да и не слишком она меня интересует, так же как и биографии других фантазёров из “Ле Монд”, “Либерасьон”, “Фигаро”, “Ле Круа” и прочих. Я с этими газетами когда-то общался. Эти газеты много писали о моих книгах. Честно говоря, особенно “Ле Круа”(“Крест”) меня разочаровала. Всё-таки католическая религиозная газета. В отличие от атеистов из “Ле Монд” и консерваторов из “Фигаро”, социалистов из “Либерасьон”, коммунистов из “Юманитэ” и прочих, она должна хорошо знать евангельские истины, предостережения от лжепророчеств, опасность лжесвидетельств. Предостережение Иисуса Христа от того, чем переполнены нынешние французские газеты. Есть в Евангелии притча о воскресении Лазаря из мёртвых. Правда, только в четвертом неканоническом Евангелии от Иоанна. Христос воззвал громким голосом: *“Лазарь! Иди вон!”* И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами. И лицо его обвязано было платком. Очевидно помня об этой притче о воскресении, газета “Ле Круа”(“Крест”) скорбит, что нет в живых Ицхака Рабина, что нельзя воззвать наподобие Христу громким голосом: *“Ицхак! Иди вон!”* И вышел бы умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами. Вышел бы Ицхак Рабин, тот, что вместе с Пересом поделил с Арафатом Нобелевскую премию Мира. Уж он-то, вздыхает “Ле Круа”, вместе с Пересом поделили бы с Арафатом Иерусалим. Возможно, из всех французских газет “Ле Круа” действительно верит в *“Нобелевский мир”*. Все остальные стремятся к тому ближневосточному миру, который выболтал в “Экспрессе” Атали. То есть к миру с исчезнувшим Израилем и так называемой демократической Палестиной. “Ле Круа” видит другой мир, но от того не легче. Слышала ли “Ле Круа” высказывания Леи Рабин, вдовы Рабина по поводу нынешнего дележа Иерусалима продолжателем дела Рабина Баракком? *“Ицхак перевернулся бы в гробу, если бы он узнал об этом. При таком дележе даже еврейского квартала нам не оставят”*. И заплакала. *“Можно отдавать всё, что угодно, но не Иерусалим. Это его, Ицхака, город. Он там родился”*. Но кто говорит “А”, должен говорить “Б”. Всё произошло от того, что израильский парламент и израильские

избиратели еще при жизни Рабина не крикнули: *“Ицхак! Иди вон! Шимон! Иди вон!”* Это сделали бы, конечно, если б Рабин не умер. Но делать это надо было вовремя. Это было бы хорошо и для Израиля, и для Рабина, и для его жены Леи. Давно пора израильскому парламенту – Кнессету громко крикнуть: *“Барак! Иди вон! Иехуда! Иди вон!”* От имени избирателей, совершивших тяжелую ошибку, избрав Барака, я, не претендуя на звание пророка, сразу же понял тяжелые последствия этой ошибки. Тем более, что рядом с Бараксом всё тот же Перес, который был рядом с Ицхаком. Всё тот же утопист-оппортунист Перес. Рабин, может быть, неплохой военный, но, безусловно, плохой политик. Дал себя обмануть в Осло международным миролюбцам при участии утописта Переса, тому способствовавшего. И Арафат тем обманом воспользовался. Барак своим нынешним разделом Иерусалима воплощает то, что заложил в Осло Рабин. Но и такой раздел Иерусалима не устраивает Арафата. Он хочет весь. Весь восточный, а дальше видно будет. Читайте в *“Экспрессе”*. Лея Рабин, ныне тоже умершая, в своё время, борясь за мир, говорила: *“С соседями нашими надо жить мирно!”* Она забыла одну деталь в этих разговорах. Как минимум, соседи тоже должны хотеть жить мирно. От своих соседей в Кенигсберге она сбежала, они с ней мирно жить не хотели. От нынешних соседей бежать некуда. Разве что в море. Неудивительно, что Рабин ворочается в гробу. Неудивительно, что Рабину в гробу не спится спокойно. Как в *“Гамлете”*: *“Быть или не быть? Вот в чем вопрос.”* Рабину в гробу снятся кошмары, ибо только в смертном своём сне он увидал, что натворил в Осло, находящемся совсем недалеко от Эльсинора, резиденции датских королей в *“Гамлете”*. В Осло, где ему, Рабину, внушили лживую мысль о мире на основе формулы *“Земля в обмен на мир”*, то есть для наглядности *“Пиво в обмен на пену”*. Русский царь Иван Васильевич Грозный при всей своей несчастной натуре разумом обделён не был, в том числе и политическим. При том военном положении России, которое, кстати сказать, напоминает военное положение Израиля, Иван Васильевич считал, что нужен не мир, а перемирие. *“Перемирие, – говорил он, – может длиться десятиле-*

тиями, а мир тут же нарушается”. Иван Васильевич Грозный обладал тем чутьём политика, которым не обладали, к сожалению, ни Рабин, ни Барак. Перемирие прочно, потому что оно гарантируется и сохраняется солдатами. Потому что страна вручает свою судьбу в руки своих солдат. А мир сохраняется и гарантируется дипломатами, чужими посредниками и прочими в значительной степени безнравственными блудниками. Ибо, если об адвокатах народ говорит: “Адвокат – нанятая совесть”, то о дипломатах можно сказать: “Дипломат – нанятая честь”. Кто своей честью торгует, известно. Проститутки мужского и женского пола. Этим-то, торгующим своей честью, и поверил Рабин. О Пересе не говорю, тот, скорей, сводничал. Прочитайте записки, мемуары отставных проституток. Они во многом напоминают мемуары дипломатов. Есть, конечно, развратные проститутки, есть прямолинейные громилы дипломаты, наподобие советского Добрынина, Малика и прочих советских дипломатических держиморд из империи зла. Но основная масса всё-таки более квалифицированные дипломаты, диверсанты, пока они на службе. Ибо слово “дипломатичный” соответствует синониму “уклончивый”. Однако, уйдя в отставку, перестают часто быть уклончивыми. И становятся декольтированными. А то и вовсе обнажаются, совершают стриптиз и щеголяют в неглиже. Так бывший посол Франции в Израиле (черт его бабушку помнит, как его фамилия) уверяет на страницах “Либерасьон”, что Франция, мол, слишком нейтральна, и надо откровенно провозгласить поддержку палестинцам. Нынешнего посла Франции в Израиле фамилия Ункиндежер Жак. Он уже, как известно, успел заявить, что нельзя сравнивать 11 сентября с тем, что совершают палестинцы. Ибо палестинцы борются за свободу. Очень любящий обниматься с Арафатом Ширак и весь истеричный проарабизм французской прессы всё-таки кажутся этому дипломату недостаточно проарабскими и слишком нейтральными. Так возьми в руки камеры или даже “Калашников”, мосье французский дипломат. По идее дипломат, посол одной страны в другой, должен стремиться к установлению добрых отношений между этими странами. А какие добрые отношения может устано-

вить такой посол Франции в Израиле? Я не удивился бы, если бы узнал, что при таком после во французском посольстве скрывались террористы. Вот такая дипломатическая уклончивость, вот такие увертки. Таким-то дипломатам поверил Рабин в Осло. Такие-то дипломаты во французском правительстве во главе с Шираком и французская пресса развязали руки арабским национал-исламистским погромщикам в самой Франции. Но как же быть французским свободолюбивым демократам? Как со спокойной совестью при всех этих погромах провозглашать свободу, равенство, братство. Как реветь Марсельезу во время футбольных матчей и прочих подобных мероприятий, большим любителем коих является нынешний французский президент? Выход найден с той самой дипломатической уклончивостью. В том самом нейтралитете. Конечно, нейтралитете типа упомянутого мной французского дипломата в период его службы послом в Израиле. Такой “нейтралитет” не нов. В старой царской погромной России были откровенно погромные газеты “Голос русского”, “Двухглавый орёл”, но были и “Петербургские ведомости” и даже “Киевлянин” умеренного разумного антисемита Шульгина, которые, когда погромы принимали совсем уж уродливые массовые формы, пытались сохранить “нейтралитет”, то есть сохранить свою чистую визитку от подобных выражений, какими пользовались в газете “Голос русского”: *“Жидов надо выжигать раскалённым железом”*. Они обвиняли в погромах как погромщиков, так и евреев, против которых совершались погромы. Нечто подобное происходит и во Франции. В упомянутом мной “Экспрессе”, где упомянутый Атали пророчит гибель Израиля и в случае войны, и в случае мира, прозвучали и “нейтральные мотивы” после того, как более ста еврейских синагог, школ и культурных центров были разгромлены: *“Обе общины, и арабская, и еврейская виноваты. Не хотят стать частью французского общества”*. Так изложили. Виноваты арабы, которые громят, и евреи, которых громят. Обе общины виноваты. Еврейская община Франции образовалась путем вrastания во французское общество, которое длилось веками. Ныне еврейская община насчитывает чуть более полмиллиона. А арабская община об-

разовалась путем быстрого многомиллионного наводнения после того, как миллион французов был изгнан из Алжира благодаря деголлевскому мирному процессу. Не буду перечислять вклад евреев в культуру, науку и экономику Франции. Какой вклад внесла арабская масса? Не только арабские хулиганы в пригородах, но и арабские профессора в колледжах? Что они проповедают? Тут дело не столько в трудоспособности, сколько в менталитете. Есть французские евреи, но нет французских арабов. Евреи могут стать французскими, русскими, американскими евреями, если это им позволяют. Африканцы, вьетнамцы, русские, китайцы и прочие, приезжая в чужую страну, приходят туда с желанием жить по законам этой страны. А арабы привозят в чужую страну свои законы. Не все, может быть, но тенденция такова, общее направление таково. И даже те из арабов, кто не таковы, вынуждены этим тенденциям подчиняться или становиться изгоями. Так же впрочем как в Израиле, Иудее и Самарии. Думаю, не все арабы, особенно отцы семейств, которые должны обеспечивать, кормить свои семьи, агрессивны. Многие хотели бы жить в мире с евреями, но они терроризированы арафатовским гестапо и арафатовскими хулиганами, штурмовиками. Да и вековой арабский менталитет, распространяющий повсюду свои законы, против них. В Германии арабов недостаточно для проявления менталитета. В Германии, слава Богу, основную массу исламского населения составляют турки, менталитет которых всё-таки иной. Я знаю, что такое Германия, все её темные стороны. И тем не менее, по мне всё-таки лучше жить при осадном положении в Германии, где все еврейские учреждения охраняются, чем при так называемых свободе, равенстве и братстве во Франции. Прошлое Германии ужасно, но оно не сфальсифицировано, как во Франции. Настоящее в Германии скандально, но не патологично, ибо Германия всё-таки не оккупированная национал-исламизмом страна. Её юдофобы, по крайней мере, национальны, легко узнаваемы и, главное, не прикрыты пропагандистскими трюками, когда они поджигают синагоги. Они не имеют пропагандистского прикрытия правительства и прессы, как во Франции, с каким бы лицемерием и наглостью эта

поддержка ни отрицалась происламистской прессой и её происламистским президентом. Даже в проарабской Англии всё-таки арабский менталитет недостаточен для установления своих законов. Там еврейские синагоги всё-таки не поджигаются в массовом порядке. Иное дело Франция, где количество перешло в качество. Плюс французский менталитет, который после немецкой оккупации сменил свой прежний традиционный шовинизм на оборотную сторону – коллаборационизм. Вот почему я называю Францию оккупированной арабами страной, подчиняющейся арабам как во внутренней, так и во внешней политике, особенно, когда речь идёт об интересах так называемого арабского мира. А те, кто пытается сопротивляться такой арабской оккупации, “расисты” согласно моде, распространяемой французскими интеллектуалами, среди которых, как я уже говорил, немало скрытых евреев или евреев-интернационалистов типа Леви, Глюксмана и прочих, не уступающих своим израильским, русским и прочим коллегам в хамелеонстве, ханжестве, химерических идеях, хлестаковщине, в непонимании простых библейских, а то и просто житейских истин при всём своём энциклопедическом образовании.

Особенно же подчинение арабской оккупационной власти произошло при голлисте Шираке, современном варианте Петэна, сохранившем и укрепившем традиции де Голля в арабо-французском сотрудничестве, то есть коллаборационизме. Орлеанская дева, какова бы она ни была в действительности, всё-таки боролась против иностранной английской оккупации и воплощает силу французского национализма, чтобы не сказать шовинизма. Де Голль, которого можно назвать парижским девственником, если иметь в виду военные успехи, ибо по этому принципу гора даже мышь не родила, наряду с Петэном воплощает оборотную сторону шовинизма, коллаборационизма, а Ширак это де Голль сегодня. Точнее, де Голль это некая смесь шовинистического коллаборационизма, так же как в садизме присутствует мазохизм, а в мазохизме садизм. Нынешний мэр Парижа месье Тюбери, бывший член голлистской партии, покинувший её, один из того 15-процентного меньшинства, которые поддер-

живали во Франции евреев, а не погромщиков-арабов, участвовал в демонстрации французских евреев против погромов и против арабской политики Ширака. Он назван голлистами всевозможными дурными именами, будто бы он взяточник и Бог знает что. Такие провокации давно известны, тем более, если они исходят от Ширака, который, по последним сведениям, сам замешан в финансовых махинациях. Месье Тюбери назвал голлистскую партию последним братом северокорейской партии коммунистов. Я думаю, у голлистов гораздо больше братьев и они гораздо более имениты. Говорят, каждый народ имеет то правительство, которого он достоин. В тоталитарном государстве это отчасти так, потому что “народ безмолвствует” и влиять на правительство не может. Тем не менее в тоталитарном государстве народ всё-таки партнёр правительства, хотя бы потому что общество, хорошее или плохое, отсутствует. В демократическом государстве или, по крайней мере, в государстве просвещенной автократии народу отведена вовсе ничтожная роль раз в 4, 5 или 7 лет оглушенным пропагандой приходиться голосовать. Иногда народ бастует, бушует, скандалит, вот и всё. В демократическом или в просвещенном автократическом государстве партнёр правительства не народ, а общество. Поэтому можно сказать, что каждое общество имеет то правительство, которого оно достойно, независимо от того, едино ли оно с правительством по тому или иному вопросу, да и вообще едино ли оно или не едино. Например, во Франции, правительство и общество, то есть газеты и прочая пропаганда, едины, едины проарабски. Впрочем, как и в Англии и вообще в Европе. Но Франция и тут законодательница мод. Ибо ныне Франция – коллаборатор и неспособна проводить самостоятельную политику. В России своя специфика. Там если общество разрешено, оно традиционно антиправительственно в зависимости от степени “бюрократической” разрешенности гласно, а ещё в большей степени негласно, что по моде. Так было и во времена Пушкина, когда по вопросу о свободолюбивой Польше у Пушкина были политические разногласия с обществом, которое всё было за Польшу, где погибают невинные и т.д. Смотри нынешние декларации по Чечне. Конечно, по-

гибают, если идёт жестокая война. Погибают и виновные, и невинные, как в Чечне, как на Ближнем Востоке. Но как погибают, почему погибают, за что погибают? Кто истинно виноват, что погибают? Это прогрессивное общество, отцов демократии не интересуется. Вникать в такие мелкие детали. Важно, что погибают, и надо прекратить. Нужен мир. Но как представляет себе этот мир французское общество в лице своих газет, я уже писал. Никакой демократической разности, а значит и никакой демократии. Односторонний проарабизм, приведший в самой Франции к погромам и поджогам еврейских синагог и домов. У России своя специфика. Как дома взрывают? Почерк единый и в Израиле, и в Америке, и во Франции, и в России и менталитет единый – проарабский, национал-исламистский. *“Я думаю, сами чеченцы до такого бы не додумались и такого бы себе не позволили. Во времена Шамиля они отрезали головы русским солдатам, но в массовом порядке поджигать или взрывать дома с обычными жильцами это вряд ли. Они этого не делали. Это не чеченцы, это сами власти делали”*. Так со всех сторон по моде в московском обществе и его бостонских и прочих филиалах. Обвинение страшное этой прогрессивной массовой болтовни. *“При Сталине такого не было, чтобы правительство взрывало дома со своими гражданами. Это гораздо хуже, чем когда дома взрывают обычные террористы”*. У правительства нет никаких доказательств про чеченцев, говорят прогрессисты. Не знаю, чеченцы ли сами взрывали, но почерк национал-исламистский. Нет доказательств? А у вас, прогрессисты, есть доказательства? Не болтовня, что кто-то где-то в Рязани видел, а доказательства. Есть, так несите в ООН доказательства против страшного российского правительства, кровопийцы, провокатора, взрывающего дома в Москве, Волгодонске, за год до того взорвавшего дом с пограничниками в дагестанском городе Каспийске и к тому же с провокационной целью организовавшего кровавое вторжение чеченских и арабских ваххабитов в Дагестан. Есть доказательства – несите, а нет доказательств, так благодарите правительство, либерализм которого пощадил вас за такую страшную клевету, не посадил вас в тюрьму или в лучшем

случае не обложил большими штрафами, как случилось бы в так называемых демократических странах с болтунами и газетчиками. Опубликовала бы “Нью-Йорк таймс” без доказательств, что ФБР организовало взрывы в Нью-Йорке? Где бы они были, те газетчики? *“Террористы – те, кто берут на себя ответственность”*, – говорят прогрессисты. Какая глупость! Какая младенческая наивная болтовня. Они берут ответственность или не берут ответственности в зависимости от своих потребностей, потребностей террористического запугивания. Во Франции о взрывах объявляли в подмётных письмах. Тут же и так ясно обычным людям без интеллектуальных извращений. Кстати, такие заявления прогрессистов ещё более антинародны чем антиправительственны. Правительство – кровавый провокатор, убивает свой народ, а народ наивно верит, как Иванушки-дурачки, и в результате таких взрывов рейтинг президента растёт. Вы, нынешние прогрессисты интеллектуалы, ещё дальше от народа, чем декабристы, о которых так сказал Ленин. Безответственные болтуны-журналисты на Западе тоже повторяют бездоказательные версии о провокациях правительства. Но правительственные учреждения типа американского ФБР, израильского Мосада, немецкого Нахрихтен Динст (служба информации) не сомневаются, чьих рук дело – взрывы домов в России. Не знаю, какова позиция, занимаемая французской... Французская вишистская полиция в прошлом коллаборировала с террористическим гестапо. Может, нынешняя при нынешнем французском президенте-коллабораторе тоже коллаборирует с нынешними террористами согласно общей тенденции. Об иных демократических параметрах не скажу, но, если говорить по поводу взрывов домов, то здесь российский прогрессивный истеблишмент уже достиг французской интеллектуальной элиты, её антидемократического одноголосья. Может быть, от того, что российское общество издавна франкофильское. Одним из таких франкоманов был Александр Иванович Герцен, которого называют первым русским диссидентом и первым русским социалистом. Выехав после российской тюрьмы, политического надзора и ссылки, он прежде всего устремился во Францию, где свобода, равенство и братство. Это

было 150 лет тому назад, когда арабо-израильского конфликта не существовало, поскольку Израиля не существовало. Но Франция существовала со всеми своими абсурдами, со всеми своими атрибутами. И Париж существовал, хотя и без Эйфелевой башни, но со своими Тартюфами, Парфаньяками, Дюруа и прочими, уценённые варианты которых мы ныне наблюдаем в Елисейском дворце, в редакциях французских газет и в обществе. Даже с теми же запахами, которые описывал Стендаль. *“На улицах Парижа ужасно воняет варёной капустой”*, – писал Стендаль. Этот нутряной запах французского мещанина, может, ныне на французских улицах физически не существует, но морально он существует. Его нельзя заглушить лучшими французскими духами. Думаю, что французская политика, если к ней приглядеться и принюхаться, пропитана запахом варёной капусты. При этом Елисейский дворец не отличишь от комнаты консержки. В Елисейском дворце я побывал при Франсуа Миттеране. Пахнет в обеденном зале изысканными соусами. Жаль, что то, что под этими соусами подаётся, ныне во французской политике пропадает. Впрочем, я нахожу, что ныне и утонченный соус борделез... исчез. Подают под грубыми соусами наподобие чесночных, которые тоже во французской кухне имеются. Нынешний президент Франции, похоже, большой любитель таких грубых чесночных соусов. Но вернусь к Герцену, то есть на 150 лет назад: *“Не могу выразить тяжелого болезненного чувства, которое овладело мной, когда я несколько присмотрелся к миру, окружающему меня. Мы привыкли со словом “Париж” сопрягать воспоминания великих событий, движения великих масс, воспоминания колоссальной борьбы за мысли, за права, за человеческое достоинство. Борьбы, продолжающейся после площади то на поле битвы, то на парламентском поприще. Имя “Париж” тесно связано с всеми лучшими упованиями современного человека. Я в него въехал с трепетом сердца, как некогда въезжал в Иерусалим, в Рим. И что ж я нашел? Я был удивлён, огорчен, я был испуган, видя, что Париж представляет край нравственного растления, душевной усталости, пустоты, мелкости, совершенного безучастия ко всему входящему и выходящему из*

мелкого круга пошлых ежедневных вопросов. У французов среднего состояния встречаю, кроме исключения, какое-то образованное невежество, вид образования при совершенном отсутствии его. Этот вид обманывает сначала, но вскоре начинаешь разглядывать невероятную узость понятий. Их ум так неприхотлив и так скоро удовлетворяет, что француз достаточно десятка два мыслей, сентенций Вольтера или Шатобриана, Ламартина или Тьера или тех и других вместе, чтобы довольствоваться ими и подпольно учредить нравственный быт свой лет на 40. У французов нет потребности идти дальше, идти вглубь. Никакой смелости мысли, никакой истинной инициативы. Они достигают большой ловкости навыков, они люмпенёры по преимуществу, они умны и ловки в своём известном круге, за пределами его они пошлы и глупы. Дайте французам галун на шляпу, и он сделается притеснителем, начнёт теснить простого человека, то есть человека без галуна. Он потребует уважения перед властью. Французы любят террор, оттого они так легко переносят осадные положения. Свобода мысли, свобода слова у французов, скорее, благородный каприз, а не истинная потребность. Я также мало отвечаю за свободу книгопечатания, если владеют властью демократы, как теперь. И т.д.” Так писал Герцен 150 лет назад. Я готов подписаться под этими словами не только потому, что по-пушкински следовать за мыслями великого человека есть занятие самое интересное. Я был влюблён в Париж, как в женщину. Не то, чтобы в Триумфальную арку, Эйфелеву башню или в Елисейские поля, не в королевский, не в наполеоновский, не в президентский Париж. Итальянский бульвар, здание Лионского кредита, дом с мансардой, маленькие гостиницы Кортъе де Летан Латинского квартала на пересечении Сен Жермен и Сен Мишель, Париж Луи Бонапарта, короля-неудачника, маленького Наполеона, сделавшего для французов, для Парижа больше, чем почитаемый Наполеон большой. Такова людская благодарность, и тут французы не исключение и даже не законодатели моды. Париж Наполеона большого развеялся за некоторым исключением и существует лишь в школьных учебниках, а Париж Наполеона маленького, ничтожного

стоит и красуется построенный, к слову сказать, при активном участии префекта Парижа, эльзасского крещеного еврея Османа, в честь которого назван Османовский бульвар. Другой крещеный еврей первый генерал-губернатор Петербурга и первый полицмейстер Петербурга Довиер... принимал активное участие в строительстве Петербурга, хоть бульвара в честь него в Петербурге нет. Евреи умеют строить и любить чужое. Строить своё они разучились за два тысячелетия, о чем свидетельствует недолгая, правда, история еврейского государства. Разучились за долгую свою патологическую историю. Научиться этому непросто, нескоро можно. Француз умеет любить своё отечество, этого у него не отнимешь. То дурное, что увидел острый свежий глаз Герцена, конечно же, было известно самим французам. По крайней мере, мысля сейчас, для того не надо было жить во Франции или ехать во Францию. Достаточно пройти несколько шагов к книжному шкафу и взять в руки не только Мольера или Бальзака, но даже романтика Гюго. Однако рядом с французской классикой стоит в том же шкафу и русская классика, познавшая Россию до самых её дурных корней, может, еще больше чем французская классика. Ни один француз, даже умница Стендаль, не скажет по-пушкински: *“Черт дернул меня родиться во Франции с умом и талантом!”* Француз умел любить своё отечество вопреки всему. Что может быть тягостней, чем не любить своё отечество? Это еще тягостней, чем не любить себя. Тут хоть остаётся выход в самоубийстве. Данте не любил своё отечество, но тогда отечеством считался город, а не страна. В любимой Равенне была та же Италия, что и в нелюбимой Флоренции. Но разве мог Герцен, высланный из Петербурга, полюбить Вятку – место своей ссылки? А мог ли Пушкин полюбить Михайловское – место своей ссылки? Ему было достаточно скучно и грустно, так как он мечтал полюбить Париж, сердце Европы. Пушкин был, как почти всё русское общество, франкофил. Есть какая-то мистическая закономерность, что он был убит французом Дантесом. Директор царскосельского лицея, где учился Пушкин, И. А. Энгельгардт дал 17-летнему выпускнику крайне отрицательную характеристику. Не буду останавливаться на всей характери-

стике, отмечу, что среди прочих отрицательных качеств педант Энгельгардт отметил, что у Пушкина совершенно поверхностный французский ум. Да, Пушкин был француз, у него и кличка была “француз”. Я думаю, что приехав в Париж, Пушкин с его острым критическим умом еще сильнее был бы “убит” Парижем, чем Герцен. Потому что, оказывается, даже там плохо, где нас нет. А нас, российских подданных, мыслящих рабов деспотической России, прошлой и современной, прежде всего не было в Париже. Прежде всего мы туда стремились. Стремались также и потому, что не только Россия была франкофильской, но и Франция из всех европейских стран была наиболее русофильской. И даже поход Наполеона со своим остервенением народа против Франции не мог этой тяге помешать. Так было в прошлом. Однако, с тех пор произошли коренные перемены в характере Франции, в характере России, в характере французов и в характере русских. Так, к сожалению, бывает. Дурные качества остались, а хорошие пошли на убыль. *“Их, французов, спасает от продолжительного рабства их подвижная натура. Этот творческий легкомысленный характер, политический гамен, политическое мальчишество, политическое проказничество французов, полное отваги и благородства, долго нравилось Европе”*, – пишет Герцен. Действительно, особенно это нравилось мыслящей России, стремившейся тому подражать. Это было видно в пушкинском мушкетерском дворянском характере, чем-то напоминающим характер и даже жизнь Сирано де Бержерака, благородного повесы и отважного поэта. Представляю, что испытал бы бедный Пушкин, если бы он, приехав в Париж, увидел бы вокруг себя не Сирано, а тех, кого увидел Герцен. Да и российские люди менее привередливы, чем Герцен и Пушкин, российский эмигрант времён Аверченко благородных Сирано вокруг себя, конечно, не увидит. Некоторым даже, тем из дворянского сословия, которым не удалось устроиться швейцарами и таксистами, пришлось наподобие Кисы Воробьянинова из романа “12 стульев” вспоминать французский язык в пределах гимназического курса: *“Месье, же не манж па сис жур”* – *“Господа, я не ел шесть дней”*. И всё-таки это была ещё та старая Фран-

ция. Свобода, равенство, братство. Это была ещё спесивая, шовинистическая, но независимая Франция. Если французы любили террор, как пишет Герцен, то национальный, по крайней мере, якобинский. Как советские толпы любили романтизированный сталинский террор, конечно, тот, который не касался их. Всё это национальные французские чувства. С 1940 года после немецкой оккупации появилось во Франции слово “коллораборационизм” и чувство коллаборационизма. Если ранее француз, как пишет Герцен, легко переносил осадное положение, то затем они легко научились переносить немецкую оккупацию, даже с отсутствием в магазинах требухи и нормой 72 грамма мяса без костей и 90 грамм мяса с костями. Роптали, конечно, но приспособлялись. Еще с большим умением переносят французы нынешнюю арабскую оккупацию, при которой по статистике на каждого приходится 100 кг мяса в год, если, конечно, нет коровьего бешенства. Эта проблема, вспыхнувшая недавно, так поразила французов, что даже потеснила на страницах газет ведущуюся по косвенному, а может, даже по прямому указанию оккупационных властей антиизраильскую проарабскую кампанию. Об этом чуть ниже. Сейчас об арабской оккупации, перечить которой, перечить исламским оккупационным властям так же опасно, как перечить немецким национал-социалистическим. Достаточно попытаться перечить, как сразу террор в магазинах, на улицах и т.д. Ныне при деголлерской власти Ширака проарабский коллаборационизм стал правительственной политикой. Тем более, что террор теперь касается, главным образом, не их, а евреев. В антиизраильской пропаганде порой идёт демагогия, особенно о погибших детях, причем подобное, конечно, контролируется арабской цензурой, пусть и негласной. Во французском радио РФИ, те даже, кто с проблемами произносят букву “P”, читают по арабски антиизраильские комментарии и обзоры печати, за что им платят французские франки. Конечно, все они интеллектуалы, одинаково подкованны, читали “12 стульев” и знают фразу Кисы Воробьянинова “*Месье, же не манж па сис жур*”. Даже французские журналисты, те, кто по-арабски по велению сердца, но иные также и за деньги, пишут эту фра-

зу. Вычитали, может быть, из других литературных, а то и из бытовых источников. При Шираке, кстати, традиционная франко-русская близость пошла на убыль по той же причине, по которой усилился происламизм. Но если прагматические соображения заставляют правительство всё-таки вести себя в отношении России не так бесшабашно и подло, как в отношении Израиля, то более безответственное общество и газеты, менее склонные к компромиссам, также ведут себя и в отношении России: всей этой проблемы Чечни и прочего.

Глава 5

Впрочем, иные газеты в отношении России всё-таки проявляют некоторые вольности. Так “Фигаро” в самый разгар проарабской антиизраильской кампании нашла всё-таки место для положительной рецензии на очередные мемуары Ельцина. В этой рецензии газета даже посетовала на несправедливость в отношении Ельцина, которому приписывают всякие непотребства, между тем как он, Ельцин, вместе с Горбачевым, видите ли, отец русской демократии. Блюл свободу слова и при всех ошибках стремился к демократическим реформам и плюралистическому обществу. Ранние мемуары Ельцина, в них сохранилось нечто живое, я читал, хотя и по долгу службы. Нынешние лишь пролистал. Подобно Маяковскому *“ненавижу всяческую мертвечину”*. Однако и в них попадаются живые моменты. Очень живой кусок, когда Борис Николаевич Ельцин передал власть, ключи от кабинета и атомный чемоданчик Владимиру Владимировичу Путину и сказал ему при этом: *“Береги Россию”*. Красивая фраза. Я думаю, не сказал, а шепнул. Почему-то всплыл анекдот: *“Набедокуривший гуляка, застигнутый врасплох, спрятался в шкаф. Вдруг начался пожар, и он шепчет из шкафа: “Выносите мебель”*”.

Мемуары, которые так понравились “Фигаро”, относят-

ся ко второму сроку правления. Начаты с 1996 года. А что с Ельциным в тот период случилось, и отчего он “прятался в шкаф”, вернее, что прятал в сейф, о том многие газеты писали, особенно швейцарские и итальянские. Но дело не в конто, говоря бухгалтерским языком или как в опере Гуно “Фауст”: *“Люди гибнут за металл! Сатана там правит бал”*. Друг бывшего президента Ельцина бывший канцлер Гельмут Коль тоже за металл морально погиб. Правда, он так не считает и уверен в своей правоте. Он ставит своё честное слово выше закона, отказываясь назвать богатых жертвователей денег. Себя же он считает главным объединителем Бундесреспублик, то есть Германии. Я думаю, не без оснований, ибо он это объединение, по сути, купил. И он, косвенно, сам это подтвердил. В том самом интервью АРД, первой программе немецкого телевидения, зашел разговор о Ельцине и, конечно же, о Чечне. *“Да, конечно, Чечня и прочее, – сказал Коль, – Но, в целом, Ельцин большой друг немецкого народа. Если бы не Ельцин, большой друг Германии, то российские войска могли бы находиться в Германии до 1998 года, а может, еще дольше, что мешало бы объединять Германию. Горбачев подписал, а Ельцин осуществил.”* Что Горбачев подписал, и как Ельцин осуществил, это другое дело. На мой взгляд, на условиях, противоречащих интересам своей страны, России. Ну, с Горбачевым поступили деликатно, создали фонд. А Ельцину, судя по сообщениям швейцарских и итальянских газет, просто дали, а он взял. Как говорится по -простонародному, *“барашка в бумажке”*. Неудивительно, почему Коль молчит, отдавши деньги. Ведь тогда бы пришлось сказать, кто деньги взял. Но он об этом почти сказал, сообщив о способствовавшем объединению немецкого отечества Ельцине. Так, медам и месье из “Фигаро”, обстоит дело с демократическими реформами. Что же касается Ельцина – плюралиста, Ельцина – блюстителя свободы слова, то тут действительно существует своеобразие. Среди экономических советников и личных финансовых маклеров были либералы, даже либеральствующие евреи определённого, конечно, сорта. Но блюсти свободу слова, т.е. министром печати и информации, Ельцин назначил Бориса Миронова. *“У нас, русских, выбора*

нет. Или мы изгоним жидов со своей земли, избавимся от этой смертельной напасти, или они нас забудут.” Это Борис Миронов, министр печати и информации. Это министр Российской Федерации, истинный министр, не самозванец и назначен был Ельциным. По глупости ли назначен, спяна ли? Да ведь и в прошлом были некие общения с черносотенной “Памятью”. Кстати, “Изгоним жидов со своей земли” это чем-то напоминает арабский лозунг освобождения Палестины, а несколько отдалённо пророчества Атали в еженедельнике “Экспресс” о неизбежной гибели еврейского государства и в случае войны, и в случае мира. Уверен, так понимает итог мирного процесса в Осло и сам Арафат, любимый Шираком. К 5-ой годовщине смерти Рабина собрались израильские миролюбцы почтить память основателя мирного процесса. Не было Леи Рабин, сказавшей накануне, как бы Рабин вертелся в гробу, видя дела своего продолжателя Барака. Продолжатель же дел Рабина Барак на митинге так и заявил: “Мы готовы идти далеко! То есть, отдать всё, что можно отдать”. Это значит, что Барак так и не понял трагического урока Рабина. Неужели, чтоб понять обман Осло, надо очутиться в гробу? Здесь, в Тель Авиве, собрались тысячи израильтян, стремящихся к миру. Можно ли увидеть тысячи арабов Газы, стремящихся к миру, как заявил Барак? Из правильного анализа Барак делает неправильный вывод. Как же будут стремиться к миру с еврейским государством те, кто уже Тель Авив, не говоря о Иерусалиме, переименовали на арабский лад? Почитайте арабские школьные учебники, по которым учатся эти детки, которые бросают камни и бутылки, или откровения Атали в парижском еженедельнике “Экспресс” или хотя бы частные мнения крайне левых наподобие господина эрудита, который, конечно же, собрался вместе с семьей сюда почтить память Рабина, зачинателя мирного процесса. Национал-исламисты удовлетворятся только таким “ближневосточным миром”, который соответствует представлениям Атали из “Экспресса” или мазохистствующим теориям израильских интеллектуалов-эрудитов. Посмотрите на Арафата, послушайте его, того Арафата, с которым Рабин и Перес разделили сомнительную премию. Некоторые умни-

ки, хохемэны, говорят: *“Арафата надо беречь. Вместо него придёт худший.”* Ах, хохемэны, худший ли, лучший ли, таких террористов, таких врагов, желающих смерти еврейскому государству, хоть отбавляй. Однако, у них нет того “международного” авторитета, который имеет Арафат к 70-летию. А активная поддержка разнообразных сил? Прежде всего поддержка оголтелой злобной империи зла, но также и западных демократов, трусливо-аморально борющихся за мир, которых особенно ярко демонстрирует Франция. А также, конечно, и Рабин с Пересом создали авторитет этому террористу. Этого авторитета новому террористу добиться не удастся, даже если Ширак будет ходить на бровях. Не те времена. Не мир нужен Израилю, а перемирие, то есть меч, который охраняет жизнь. Перемирие на десятилетие, а, может быть, и на столетие. Не раз в истории мир устанавливался в течение многих поколений. Пример, отношения Германии и Франции. А господин Барак хочет по Пересу-Рабину: быстро, быстро и приехали – мир! Не мир нужен Израилю, но меч, как сказал один из наших с вами предков из Назарета. Этот разумный совет они отвергли, но при этом превратно понимают другой совет – подставлять вторую щеку. Пусть француз подставляет вторую щеку немцу, ибо между ними после многих столетий борьбы всё-таки установился некий мир. Когда после борьбы в течение десятилетий или столетий установится мир между евреями и арабами, если он установится, тогда подставляйте вторую щеку, кому это нравится. Однако, слава Богу, израильяне пока еще арабам вторую щеку не подставляют, хотя этого от них требуют с проклятиями международная демократическая печать и прочие средства информации. Удивляюсь, почему до сих пор не использовали “Фигаро” или другие газеты ельцинского министра печати и информации Бориса Миронова, правда, ныне он экс-министр. Только для приличия слово “жид” заменить словом “сионист”, как это делали коллеги из “Правды” и “Советской России”. И генералы к Вашим услугам: Макашов, Дубров, Титов, Бревнов. Конечно, всё это генералы не из армии маршала Жукова, а из армии маршала Брежнева. *“С нашего молчаливого согласия сионистские стервятники растерзали*

страну”, – говорит Дубров, генерал-лейтенант. Это про Россию, но, может быть, и про Палестину? И про Францию тоже, ибо сионисты, то есть евреи, своим существованием во Франции раздражают арабов, могут навлечь гнев на французов. Так иные во Франции размышляют. А об обвинениях в антисемитизме не беспокойтесь. Тот же генерал Дубров, к вашим услугам, пишет: *“Сегодня на земном шаре 85 процентов восточных евреев, так называемых ашкенази (ашкенази, кстати, западные евреи, а восточные это сефарды, но это уж научные мелочи) из хазарского племени тюркско-монгольского происхождения, следовательно, семитских кровей у них нет. Истинные семиты – арабы. Русские люди никогда не были врагами угнетённых арабов Палестины, истинных семитов, которых евреи в 1948 году согнали со своих земель и образовали сионистское государство Израиль. Поразмыслите неуважаемые господа, кто из нас антисемит?”* Я бы всё-таки, учитывая общее направление французской печати и информации, такими авторами, как бывший ельцинский министр печати и информации Миронов или генерал-лейтенант Дубров, не пренебрегал. Атали, известный своими сенсационными ближневосточными идеями, мог бы вполне воспользоваться материалом. Да только ли французская печать может воспользоваться? У французов своя специфика в отношениях с арабами, и потому французы – давние законодатели моды, также и коллоборационалисты. Но послушайте БиБиСи, обзоры английской печати, или “Немецкую волну”, обзоры немецкой печати, а также швейцарской и швабской. Как говорится, а точнее поётся: *“Наша песня хороша! Начиная сначала!”* *“Весь мир видит вооружённых до зубов израильтян, израильские танки и вертолёты. Кто виноват в гибели палестинских детей?”*, – это обозреватель БиБиСи. Верит ли в то, что говорит? Если верит, тем хуже. Даже левый Бен Шломо, неутверждённый министр иностранных дел при Бараке, возражает: *“Днем они бросают камни на глазах у тележурналистов, а ночью боевики берутся за автоматы, пулемёты и гранатомёты”*. Добавлю, кто виноват? Вы, свободные назависимые журналисты, может быть, более, чем Арафат, виноваты. Вы, с вашими нечестными фотокамерами,

с вашими фальшивыми телекамерами, с вашими лживыми перьями. Вы, как мухи, разносчики моральной заразы. Скажете, я пристрастен? Да, я пристрастен. А кто в этом мире нейтрален? Кто не с нами, тот против нас. Так Ленин Христа перефразировал. Иисус же сказал: *“Кто не против нас, тот за нас”*. Вы, так называемые европейские демократы с вашими органами информации, все против нас, и нет среди вас нейтральных. Вот так и “Тагес Анцайгер” швейцарская, из нейтральной страны: *“Израиль это вооруженный до зубов Голиаф против вооруженных пращами палестинцев, стремящихся свергнуть своих порабощителей”*. Так примерно блеют нейтральные швейцарские овцы, нагло ватно извращая библейскую историю о Давиде и Голиафе. Им еще стоит объявить царя Давида палестинцем, как Арафат объявил палестинцем Иисуса Христа. Так мирно блеют нейтральные швейцарские овцы днём, а ночью снимают свои шкуры, становятся серыми. В своё время некие швейцарские швабы, бравшие у меня интервью для другой швейцарской газеты “Ноецюрхер Цайтунг” (я не думаю, что в ближневосточном вопросе так же хотя бы нейтральны), сказали мне, что если бы Гитлер совершил аншлюс Швейцарии, как он совершил аншлюс Австрии, то среди нейтральных швейцарцев объявилось бы столько добровольцев зсесовцев, что это могло бы даже превысить количество австрийских добровольцев. Очевидно они хорошо знают своих соотечественников, и блеяние нейтрального “Тагес Анцайгер” тому лишнее подтверждение. Гитлер, как известно, не совершил аншлюс Швейцарии потому, что ему нужны были швейцарские банки для отмывания крови с еврейского золота и валюты. Границы же так называемой Швейцарии были для спасающихся от гитлеризма евреев заперты. Так же как заперты границы швейцарской печати ныне хотя бы для нейтральной информации. Те же темы, те же песни о погибающих палестинских детях. Уже и умерщвлённые евреями палестинские младенцы явились. Снимки в газетах палестинского младенца, который умер от слезоточивого газа. Камни этот младенец бросать ещё не может, пращу в руки не взял, тем не менее умер от газа, пришедшего к нему в домашнюю колыбель. Об этих погубленных евреями

детках демократическая свободная печать проповедует с такой настойчивостью, что невольно вспоминается старый кровавый навет о погублении христианских деток и младенцев. В данном варианте, в основном, исламских деток и младенцев. Вспоминается история в Косово, где исламских младенцев губили сербы. Комиссия европейских демократов во главе с неким английским краснолицым лордом, явным любителем виски, раскопала могилы, в которых среди трупов находились детки и младенцы. Это, кстати, послужило поводом к натовским бомбардировкам Югославии. Спустя некоторое время комиссия нейтральных финских врачей, демократами же приглашенная, установила подлог, то есть, что дети и младенцы были подложены среди трупов террористов и умерли дети собственной смертью, если не были убиты самими террористами. Свободная печать об этом не сообщила, может, где-то промелькнуло. Вот таков весь ваш европейский мир. Давно уж говорилось о закате Европы. Может быть, спасаясь от собственного аморализма, Старый свет (Европа) открыл Новый свет (Америку). Ещё Герцен, испуганный аморализмом Европы, надеялся на Америку. *“Я был удивлён, огорчен, я был испуган потому что затем ничего не оставалось, как сесть в гавани на корабль и плыть в Нью-Йорк, в Техас”*. Конечно, время показало, что надежды спастись от европейского аморализма в Америке полностью не оправдались. Европейцы привезли аморализм, с собой как мышей и мух. И всё-таки, при наличии такой Европы и за неимением другой Америки приходится удовлетворяться этой. Американское государство остаётся государством, то есть дипломатический прагматизм весьма часто аморально берёт верх над справедливостью и даже над стратегическим разумом. Всякая администрация прежде всего живёт сегодняшним днём, днём текущего момента, в котором тактика берёт верх над стратегией. И где время укладывается точно в четыре года президентского правления, за которые следует решить накопившиеся веками проблемы. К тому же, президент это человек, и ничто человеческое, в том числе и пристрастия, ему не чуждо. На мой взгляд, последний президент, который должен был уравновесить происходящую европейскую оголтелость,

того не делал. Наоборот, опираясь на относительное внутриамериканское благополучие, не им созданное, но благодаря этому благополучию получив популярность у массового американского человека, ставящего во главу угла свои сиюминутные потребности, Клинтон пустился во внешние политические авантюры на Балканах, которые ещё долго придётся расхлёбывать, и на Ближнем Востоке, где он поддерживал не Израиль, а левый Израиль. Он неприязненно, а то и грубо относился к Натаниягу, как будто это его подчинённый, и всячески поощрял левых проводить свою политику, основанную на социальных утопиях, особенно опасных в отношениях с арабским миром, менталитет которого таков, что чем более им даёшь, тем более они требуют. В то же время он всячески ублажал Арафата в его наглых требованиях и подлых замыслах, имеющих конечной целью уничтожение Израиля. Уже сейчас на пороге, когда Клинтону пора уже и честь знать, шляпу сдать, он продолжает предъявлять требования Израилю, а не арабам, обвиняя в происходящем насилии Израиль, а не арабов. Поэтому хорошо, что Клинтон уходит. По-моему, во многом, что сейчас происходит с Израилем и вокруг Израиля, вина Клинтона. Его авантюристические организованные миролюбивые встречи, на которых от Израиля требовались односторонние уступки, принесли большую беду Израилю. Нет, Клинтон, конечно, не антисемит, но как бывают почетные академики, Клинтона можно назвать почетным евреем леволлиберального толка. Вред от них бывает хуже, чем от прямых врагов. Однако всё-таки президент, администрация, Белый дом это в большей степени государство чем народ. Народ – это Конгресс. 333 конгрессмена, демократы и республиканцы, поддержали Израиль, солидаризируясь с еврейским народом. Только 30 конгрессменов против. Уже не весь мир, как утверждают джентльмены из БиБиСи. Даже во Франции, в Париже, этой цитадели проарабизма и коллаборационизма, 15 процентов всё-таки поддержали Израиль и евреев. Конечно, Эмиля Золя в сегодняшней Франции нет. Конечно, 15 процентов это мало. Но следует помнить, что Содом и Гоморра погибли не потому, что там было много грешников, а потому что там не нашлось ни одного правед-

ника. Да, Господь милостив, но и у господней милости есть свои пределы. Герцен книгу своих статей из Европы, предназначенную для России, озаглавил “С другого берега”. Статье “Перед грозой” он дал подзаголовок “Разговор на палубе”. Видно, разочарованный демократической Европой, он не знал, к какому берегу пристать и отправился в Америку. В конце концов, как известно, он пристал к английскому берегу, где основал журнал “Колокол”, который звонил возвещая: *“ Мир, в котором мы живем, то есть те формы, в которых проявляется жизнь, умирает. Никакие лекарства не действуют более на обветшавшее тело его. Чтобы вырастить наследников, надо его похоронить, а люди хотят непременно его вылечить, задерживая смерть ”* Это было возвещено “Колоколом” 150 лет назад. Это чувство надвигающейся смерти нынешний мир, давно по сути возвратившийся к язычеству, хочет остановить жертвоприношением, и жертвой он избрал, как обычно, евреев, но не просто евреев, а еврейское государство, возникшее на костях тех, о ком Гитлер сказал: *“Как бы ни кончилась война, в Европе не останется ни одного еврея”*. Однако, судя по нетрезвым высказываниям Атали в парижском еженедельнике “Экспресс” и иных демократических газет, евреев не будет также и в Палестине. Еврейские наименования останутся только в Библии и в некоторых лирических стихах, например, Ивана Алексеевича Бунина: *”Луна зашла. Поет петух в Рамле. И мягки сини горы Иудеи свой зыкийкй кряж означили во мгле”* Как по арабски именуются теперь горы Иудеи? Как именуется город царя Давида Бет Лехем? Дом хлеба, который в обмен на камни отдал Рабин, ворочающийся в гробу, и Перес, министр без кресла в правительстве Барака, ёрзающий на своём шатком кресле.

При таком заполнении всей европейской печати и прочих средств информации ближневосточной темой остаётся место и для иных материалов. Для светской хроники, например, столь любимой прежде. Вряд ли светской хроникой можно назвать публикуемую “Фигаро” рецензию на очередные мемуары позднего Ельцина. Я бы эти мемуары отнёс к разделу уголовной хроники. Нельзя отнести к светской хро-

нике и панические сообщения об английском коровьем бешенстве, проникшем во французские мясные лавки и временно оттеснившим даже ближневосточное беснование. Коровье бешенство, оно всё более охватывает Европу. Жадность к барышам – принудили к каннибализму коров, скармливанию коровам остатков мёртвых коров. Отравили кроткое существо – корову, “бурёнку” по-русски, кормилицу, а теперь уничтожают её в массовом порядке. Вот это весь мир демократической Европы. Той, которая создала мирный ближневосточный процесс, тоже представляющий своего рода политическую отраву. Отравленные английские ростбифы, отравленные немецкие шницеля, отравленные французские антрекоты. Отравлена вся демократическая Европа физически и морально. Вот от чего даже ближневосточная тема оказалась оттеснённой временно на страницах французской печати. В ресторане “Максим” обнаружен бешеный антрекот по-бретонски, то есть антрекот-коллаборатор. Произведены аресты. Что-то не слышно, чтобы арестовывали арабских погромщиков, поджигавших синагоги и оскорблявших раввинов. Это никакой опасности для отечества, то бишь для французских желудков, не представляет. Так мыслят, согласно опросу, 31 процент. Только 15 процентов мыслят иначе. А оставшиеся 54 процента вообще не мыслят, а просто едят свои среднестатистические 100 килограмм мяса в год, доброкачественности которого ныне грозит коровье бешенство. Отечество в опасности! И агрессия опять пришла с британских островов. Не думаю, что во французских светских хрониках слишком жалуют английскую королеву. Тем более, что из-за двух волнующих тем: ближневосточного беснования и коровьего бешенства для светской хроники остаётся мало места. Так, сообщение о посещении английской королевой Ватикана промелькнуло как-то мимоходом. Между тем, при посещении английской королевой Папы Римского произошел конфуз, то есть то, что для светской хроники особенно лакомо. Во время обеда в честь её величества её величество отказалось есть итальянские блюда, заправленные чесноком. Отказалось есть ризотто аль майонезо, рис по-милански, шницель по-тоскански, клецки по-венециански. Какой контраст с его превосхо-

дительством Шираком, который, как я уже писал, обожает “айоли”, южнофранцузский чесночный соус и, вообще, наедается чеснока, особенно на дружеских пирушках с его превосходительством Арафатом. Такое сообщение промелькнуло в одной из бульварных светских хроник. Тут не только англофранцузские вкусовые противоречия, но противоречия “север-юг”. Гёте в своём путешествии по Италии писал, что больше всего его в этом путешествии раздражали и удручали чеснок, клопы и крест. А ведь Гёте с его ясным гармоничным умом был сравнительно терпим к евреям, несмотря на некоторую нетерпимость в своих литературных вкусах, но тут уж профессиональная болезнь большинства литераторов. Однако, оказавшись в Италии, впал вот в такое раздражение. И итальянский чеснок ему не по душе, и итальянские клопы он предпочел бы лейпцигским, и, видите ли, католический крест ему не по душе. Да, в католической Италии крест вовсе не тот, какой в полуатеистической Германии. Даже если сравнить с католической Францией, то вера в Италии на много порядков выше. Потом у франкофоба и италофила Стендаля в его “Прогулках по Риму” при путешествии по Италии: “Италия при всех её недостатках и раздражающих постороннего нелепостях всё-таки ещё верит в Библию”. В Италии, особенно в средние века, была нетерпимость к инакомыслящим, людям иной религии. Была нетерпимость и по отношению к евреям, если оставаться в нашей теме. Были изгнания евреев из тех или иных городов. Но не было даже и в более поздние времена, во времена гитлеризма, такого массового антисемитского итальянского коллаборационизма, как во Франции. И Муссолини не допускал преследований такого масштаба пока не ворвались национал-социалисты. При нынешнем нашествии на Европу национал-исламизма, при нынешней агрессии воинствующего ислама Италия тоже не проявляет того коллаборационизма, который наблюдается во Франции. Приезжает толпа непрошенных гостей, по-хозяйски оседают, заводят свои порядки, свои законы. И если количество переходит в качество, как во Франции, то становятся по сути оккупантами. Недавно в Милане состоялась массовая демонстрация против строительства там огромной ме-

чети, против нашествия исламизма. “Нехорошо”, – говорят правозащитники, которые борются за права человека. Почему нехорошо? Сколько церквей, не говоря уже о синагогах, построено в исламских, в арабских странах? Требуют мультикультуры в чужих странах, а у себя не то, что мультикультуры, а, вообще, проявления какой-либо культуры, выходящей за пределы фундаменталистского Корана, запрещают. Это называется на простом языке: *“Давай скушаем твоё, а потом каждый своё”*. Похоже мечети, которые строят повсюду, не божьи дома, а центры, где проповедуют под видом молитв ненависть. Строят мечети, а потом поджигают синагоги. Это во Франции, пока ещё синагоги. Но прозорливые итальянцы не хотят допустить у себя того, что случилось во Франции. Итальянцы в большинстве своём носят кресты не по-французски, как брелки на шее. Они пока еще молятся в церкви, а не в ресторанах, где просто, хоть и с удовольствием, едят свои блюда, даже иногда излишне по-итальянски приправленные чесноком. К тому же, итальянский юмор более человечен чем ядовито-пристрастная французская вольтерьянская сатира. Наверное потому во Франции газета “Фигаро”, а в Италии салат “Фигаро”. И то, и другое связано с языком. Газета “Фигаро” подразумевает ловкость людского языка, а салат “Фигаро” сочность телячьего языка. Там потребляется надуманный пафос, здесь потребляется здравый смысл. Здравый смысл подсказывает итальянцам противостоять агрессии фанатичного ислама, даже если это пока происходит в виде пассивной агрессии. Приезжает масса бедных непрошенных исламских гостей и для этих бедных гостей богатые исламские страны начинают на нефтедоллары строить мечети. Помогли бы бедным собратьям по вере дома и там бы для них строили мечети. Нет, строят гигантскую мечеть в Милане, как будто это Мекка или Медина, где, кстати, появившись крест, про моголеновид уже не говорю, началось бы светопреставление. Я не хочу чрезмерно восхвалять итальянцев, люди есть люди, человеки есть человеки, но суть происходящего итальянцами, особенно верующими, понимается лучше французов. Они предпочитают дать отпор агрессии фундаменталистского ислама, тогда как Франция по своему

менталитету, создавшемуся со времен немецкой оккупации, предпочитает коллаборировать с фундаменталистским исламом, называя это веротерпимостью и борьбой с расизмом. Также коллаборируют, кстати, с фундаменталистским исламом и российские черносотенцы. А между тем угроза фундаменталистского ислама для России, для христианства не миновала. В давние времена эта агрессия грозила самому существованию. Недаром ведь издревле на церквах крест возвышался над полумесяцем. Символ этой борьбы – крест, попирающий полумесяц. Пусть возносится полумесяц, но не на чужих святынях и не на чужих костях. В Мекке и Медине пусть возносится, но не в Милане.

Самая тёмная сила современности – национал-исламизм. Он старается подчинить себе не только страны с преобладающим мусульманским населением, но по возможности повязать своими агрессивными замыслами и страны христианского и прочего мира. Печальный пример тому Франция. В этих своих всемирных захватнических целях важную роль для национал-исламизма играет ближневосточный конфликт, который национал-исламизм раздувает самыми изуверскими методами вплоть до использования арабских детей в качестве пушечного, а точнее пропагандистского мяса. Того мяса, которое наподобие коровьему заражено бешенством ненависти. Для того чтобы, как они выражаются, видел весь мир, и спасение от этого апокалипсиса, как это представляет французская печать и прочие европейские демократы, а также леворадикальные израильские хухемы, это спокойное бескровное исчезновение еврейского государства с географической карты мира. *“Я всё время думаю и не могу найти логического обоснования для существования Израиля,”* – сказал мне один хухем-миролюбец. – *“А логическое обоснование для существования Франции Вы можете найти?”* – *“Франция существует тысячелетия, а Израиль две тысячи лет не существовал”.* – *“А к чему это привело? И чем это кончилось?”* – *“Да, но поставьте себя на место палестинцев?”* – *“Зачем же мне ставить себя на место палестинцев? Разве они ставят себя на моё место?”*

Для этих левых интеллектуалов-хухемов исчезновение

Израиля имеет многие хорошие стороны. Человечество, по крайней мере, прогрессивное человечество, так называемая “мировая общественность” перестанет злиться на израильтян. “На Ближнем Востоке они ведут себя плохо”, – как выразилась одна дама из “Ле Монд”. Все израильтяне опять превратятся в обыкновенных привычных евреев. Их можно будет привычно гладить и громко жалеть. Покровительствовать им. Писать в “Ле Монд” или в “Фигаро” душевные гуманные статейки. Юдофильство усилится. Это как раз то, что господам эрудитам надо и на что они надеются. Израильское государство исчезнет, а израильский народ, как они выражаются, вечен. Вечный еврей и вечный антисемит. Можно будет написать свои новые книги. Всё станет хорошо в результате такого мирного процесса. Но отметил ли господин эрудит и прочие прогрессивные борцы, чем же всё-таки отличается этот новый нынешний антисемитизм-антиизраилизм от прошлого, хорошо известного, привычного устоявшегося за века? Тогда прогрессивное человечество было на нашей стороне, то есть на стороне эрудита-интернационалиста, а теперь, к несчастью господина эрудита, оно сторону поменяло, стало на сторону палестинских детей с камушками и пращами. Такого анализа у господ эрудитов нет, а это важный анализ и важное отличие. Антисемитизм, к которому Вы, господин эрудит, принялись в прежние времена, отличался тем, что в нём веселья было больше, чем ненависти. А в нынешнем антиизраильском, наоборот, больше ненависти чем веселья. Да веселья и вовсе нет, одна ненависть. В прежних погромных разговорах, погромных статьях, да и просто погромах было много смеха, а теперь в статьях и погромах не смеются, а скорее скалятся вооруженными зубами. Вспомните описание Горьким погрома в Нижнем Новгороде, вспомните весёлое описание запорожских погромов у Гоголя. И особенно смеялись над Библией, над божьим определением избранников божьих. Показывали пальцем, да и сейчас показывают, на какого-либо хилого Ньюму-парикмахера и смеялись и смеются: “*Вот избранник Божий!*” А над кем смеётесь? Над Ньюмой смеётесь? Нет. Над Богом смеётесь. Над тем, что Бог-глупец, избрал такого ничтожного Ньюму. Ньюма, может, ничтожен, не

ничтожнее, конечно, вас, юдофобских весельчаков, но избранничество Божие своевольно. Не спрашивает Господь, кто хочет быть избранным, и при избрании не меняет человеческой природы. Для примера скажу о других представителях избранного народа, о пророках. О пророке Исае, пророке Йеремии или, наконец, об Иешуи из Назарета. Сколько над ними смеялись? Да, избранничество в цари или президенты даёт земные преимущества и блага. Небесное избранничество добавляет только тяжесть, а к ней еще разнообразную ненависть неизбранных небом, которые тешат себя земным избранничеством и, глядя на земные слабости небесных избранников, смеются. Что говорить о мелкой личности Ньюмы-парикмахера, если даже над Христом смеялись? Прочитайте Евангелие. Сколько над Христом смеялись за его земные слабости? *“Если ты избранник божий, сойди с креста!”* Так смеялись. Да и в послевангельские времена смеялись не только над парикмахером Ньюмой, но и над Христом. *“Палестинский пигмей худосочный надоел нам жестоко Христос. Жизнь людскую он сделал непрочной. Весть об аде он людям принёс”*, – это с честной нетрезвостью русский поэт начала века пьяница Алексей Теняков, а что у пьяного Тенякова на языке, то у трезвого Достоевского на уме. Легенда о Великом инквизиторе – разве это не трезвая насмешка над Христом, бессильным на своём земном пути? вспомните, в какой бедности, в каком земном ничтожестве жил Христос? Скитался по чужим домам. Его оценили в 30 серебрянников. Это стоимость куска рыбы или горсти фиников. Неудивительно, что над ним смеялись в евангельские времена книжники и римские легионеры, а в послеевангельские такие, как нетрезвый Теняков, мелко, а такие, как Достоевский, величественно. Недавно евангельская церковь в Германии осудила антисемитизм. Теологически антисемитизм осуждён как ненависть к божьему народу. Хорошее дело, но запоздавшее лет на пятьсот. Когда у церкви была власть, она не осуждала антисемитизм, а, наоборот, распространяла его во главе с Лютером. Так же, впрочем, как католики и православные. Теперь фактически в бессилии своём осуждает, юдофильствует. Таковы все иные безоружные безгласные осуждения антисемитизма

со стороны юдофилов, со стороны эрудитов, борцов с антисемитизмом наподобие господина эрудита. Но свято место пусто не бывает. Тем, чем раньше занимались фундаменталисты христианства, теперь занимаются фундаменталисты ислама. Однако в ненависти вооруженных зубами исламистов того смеха нет, веселья нет. Это настраивает меня на оптимистический лад. Причина тут одна – вооруженное до зубов еврейское государство Израиль вызывает ненависть, но не вызывает смеха. Также в отношении еврейского народа теперь смеха меньше, а больше ненависти, иногда даже панической. *“Или мы прогоним жидов со своей земли, или они нас добьют”*, – так у назначенного Ельциным министра пропаганды и информации Миронова. Однако главная ненависть против сионистов, хотя по логике сионисты как раз и призывают евреев покинуть так называемые их земли и переселиться в Израиль. Почему? Потому что Израиль – это сердце еврейского народа, и враги это понимают лучше, чем иные господа эрудиты. Надо разбить сердце, вырвать сердце, тогда умрёт и народ. Но только ли еврейский народ? Не сердце ли это всего библейско-христианского народа? Сердце библейско-христианского народа начало биться, когда Господь сказал Аврааму: *“Потомству твоему даю я землю сию.”* Да, 2000 лет вопреки господнему завету на грешной земле еврейско-христианское сердце, билось пересаженное в колбе, билось в изгнании, ибо мир был подвержен эксперименту дьявола. Мир, в котором Мессия подменён, но лишь немногие это поняли. *“Ходили в мире лже-мессии. Я не прельстился, угадал, что блуд и срам их литургии сиречь бряцающий кимвал. Своekorыстные пророки, лжецы и скудные умы. Звезда, что будет на Востоке, еще среди глубокой тьмы. Но на исходе сроки ваши, но проклят старый мир, и вновь пьёт Сатана из полной чаши идоложертвенную кровь”*. Это стихи Ивана Бунина “На исходе”. Бунин был на библейской земле завета с Авраамом, когда она была еще опустошена, и сердце билось вдали от места своего божьего обетования. Билось, заключенное в дьявольскую колбу изгнания. Теперь оно вернулось на своё место, и вновь его пытаются похоронить. Вновь раздаются злобные призывы убийц в национал-исла-

мистских мечетях. Вновь трезвонят лицемерные колокола христианской демократии и даже козлиные колокольчики израильских левых умников миролюбцев, таких как господин эрудит. Но рано хороните. Торопитесь эдак примерно на тысячу лет. Почему на тысячу лет? Опубликовали ли французские и прочие европейские газеты, плотно заполненные проарабизмами и антиизраилизмами, та же “Ле Монд” или “Фигаро” или еженедельник “Экспресс”, маленькое научное сообщение? Миру осталось существовать всего тысячу лет. Однако, смею вас заверить, второго дьявольского эксперимента Господь не допустит. Ведь осталась еще тысяча лет. Так что, если умрём, то умрём вместе. Притом есть небесный Иерусалим, но нет и не будет ни небесного Парижа, ни небесного Лондона, небесной Женева, небесного Берлина, небесной Москвы, небесного Нью-Йорка. Конечно, циничные потребители земных благ скажут: *“Тысяча лет это целая бесконечность. Чего нам беспокоиться. После нас хоть потоп. Ха-ха, хи-хи”*. И расскажут о конце мира какой-нибудь еврейский анекдот. Нет, весельчаки. Тысяча лет – это рукой подать. Вселенная существует 15 миллионов лет, человек 4 миллиона лет. Так что тысяча лет это даже не завтра, это через полчаса. Тысяча лет – это современность. Тысячу лет назад уже была итальянская и французская культура, провансальская поэзия, песни трубадуров, итальянская медицина и юриспруденция, испано-арабская поэзия. “Повесть о Тристане и Изольде” переводилась в германских и славянских странах. Фактически это уже было наше время. А через тысячу лет на высохшей, с клубами горячего пара воды и раскалёнными камнями вместо земли, жить будут, может быть, только какие-нибудь приспособившиеся насекомые и крысы, этими насекомыми питающиеся. Да еще переплётками Пушкина, Шекспира, Данте, Гете и прочих на развалинах библиотек. Те поэты, которые вздыхали и вздыхают на луну-кусоч сыра в космосе, должны были повздыхать на Марс, когда-то по предположению полноводный, планету войны, ныне мертвую, красную как кровь. Конечно, трезвые скептики посмеются над этим моим откровением, над этим моим Апокалипсисом и скажут: *“Сколько раз уже возвещался конец света?”*

Да, возвещался, но тогда возвещали богословы и ангелы, а теперь ученые. Более того, не надо быть ученым, чтобы видеть агонию мира, отравленный воздух, потепление земной атмосферы, таяние вечных льдов, отравление воды, уничтожение спасительного озона смердящим дыханием нефтяного СО. За прошлый 20-ый век вымерло столько животных, сколько за все предыдущие века, вместе взятые. Одна рептилия просуществовала миллион лет, а теперь ей грозит смерть. Наиболее яркий признак общей агонии жизни это начальная деградация, реверсия, одичание на фоне буйного технократического развития и всеобщей компьютеризации. Пример моральной агонии – Франция. Много горьких, желчных, иным покажется, франкофобских слов сказал я о Франции, особенно о нынешний шираковской Франции. От этих слов не отказываюсь. Так можно говорить о том, что прежде любил. Пусть как легенду, как внешний образ, но и то, и другое всё же имеют под собой основание. *“Нам жаль теперешнее падение народа, который так славно жил, который мы так любили, может быть больше, нежели знали. Мы чувствуем, по выражению Мишле, что с падением Франции температура земного шара понизилась.”* Так писал Герцен 150 лет назад, имея в виду моральное понижение температуры, которое в сочетании с физическим повышением атмосферной грозит моральной и физической гибелью.

Неужели агония, которую мы ощутили теперь, началась уже так давно, чуть ли не 300 лет назад? Мы живём во время большой и трудной агонии. Это достаточно объясняет нашу тоску. К тому же предшествующие века особенно воспитали в нас грусть, болезненное томление. Три столетия тому назад всё простое, здоровое, жизненное было еще подавлено. Мысль еще не осмеливалась подавать свой голос. Её положение было похоже на положение жидов в средние века, лукавое по необходимости, рабское, озирающееся. Под этим влиянием сложился наш ум. Он вырос, возмужал внутри этой нездоровой атмосферы. И вот теперь агония обнаружилась с новой силой казалось бы совсем с противоположной стороны, со стороны интеллекта, со стороны технического прогресса, а не со стороны средневековой отсталости, хотя и в

сочетании со средневековой злобой, чем является в настоящем мире национал-исламистский фундаментализм. Жюль Мишле, французский историк 18-го века, французский патриот, ворочается, очевидно, в гробу, видя нынешнюю Францию. Он был народник, патриот, националист, но коллаборантом он не был. Ему близка была горячая кровь Жанны д'Арк, но не холодная кровь де Голля, национализм Орлеанской девы, но не коллаборационизм парижского девственника.

Да, в его писаниях мало научного анализа, на который так падки господа эрудиты, но ведь известно, что именно самодовлеющий научный анализ это как раз тот элемент, на который действует время и который под влиянием времени исчезает. Предвидит ли человек счастье или нет, оно всегда приходит врасплох (лучше *“оно всегда застаёт его врасплох”*). Конечно, Господь милостив. Конечно, есть надежда на разум меньшинства, ибо на инстинкт самосохранения алчного большинства, судя по происходящему, надеяться не приходится. Да и в крайнем случае, я уверен, во Вселенной земная жизнь не единственная, а в новый космический ковчег Господь на сей раз нечистых не пустит. И Пушкин с Шекспиром не исчезнут, поскольку они не земные, а космические жители, кто знает, может, даже космические пришельцы, хоть сами о том не догадываются. А смерть нашей красавицы Земли это прискорбно, но неизбежно при такой ненависти к Создателю. *“И раскаялся Господь, что создал человека на земле и воскорбел в сердце своём.”* Так сказал Господь перед первым потопом, когда лишь только начиналась людская жизнь. Но тогда утешился Господь, поместив избранных по своей воле в землю обетованную. Там, где библейско-христианская жизнь начиналась, там она может и кончиться. И никто этого конца не переживёт. Ни арабский мир, ни исламский конгресс, ни нефтедоллары, ни золотые запасы Швейцарии, ни Париж со своей Эйфелевой башней и еженедельником “Экспресс”. Теперь сердце библейско-христианского мира вернулось на своё место, чтобы жить там или умереть там. Так что ответ на похоронный колокольный звон парижского еженедельника “Экспресс” по поводу смерти еврейско-

го государства, тем более на козлиные колокольца сионистов-ренегатов типа эрудита, я хочу заимствовать у Хемингуэя из его романа “По ком звонит колокол”, который в свою очередь заимствовал эту истину у Джона Дона “*Не страшивай никогда, по ком звонит колокол! Он звонит по тебе!*”

P.S. Думаю, что публикация этого памфлета, среди прочего касающегося французских нечестивостей нынешнего времени, так же маловероятна во Франции, как публикация о советских нечестивостях в советской печати. Ну что ж, пусть это будет парижским самиздатом.

P.P.S. Человеческая психика так устроена, что приходится доказывать очевидное. Неким глубинным тайнам мироздания и подсознания верят на слово, а очевидным истинам бытия верят, лишь вложив пальцы в раны, чужие и собственные. Библейские пророки доказывали очевидное, но верить им начинали, лишь когда их пророчества сбывались и начинали кровоточить. Поэтому даже библейским пророкам приходилось повторяться. Этот памфлет во многом повторяет сказанное ранее, новизна лишь в том, что ситуация становится всё хуже и хуже, хотя и ранее это было очевидно. Пока писался этот трактат-памфлет, подоспели, слава Богу, выборы в Израиле.

В 1996-ом году я писал по тому же поводу: “*Голосуйте против правительства Переса! Спасайте Израиль!*” Остаётся лишь повторить тот же лозунг, заменив Переса на Барака. Так называемый прогрессивный мир с его газетами и прочими средствами пропаганды и агитации пропагандирует и агитирует за Барака, связывая с ним свои миролюбивые надежды. Не дайте этим прогрессивным миролюбивым надеждам сбыться. Спасайте Израиль! Может могут спасти и молитвы, но главное не молиться, а идти, как сказал Господь Моисею. Именно идти к своей цели – защите еврейского государ-

ства. Арафат во имя уничтожения еврейского государства готов бороться и умереть. Что ж, Гитлер боролся и умер во имя уничтожения евреев. Если Арафат и прочие его арабские сподвижники хотят бороться и умереть, пусть умирают. От себя скажу – пока жив Арафат, никакого мира с арабами не будет. Так же как пока жил Гитлер, никакого мира не могло быть с немцами. Главное теперь – выстоять. Тогда Мубарак не возьмёт, и Ширак не возьмёт, и Барак уйдёт, а Арафат умрёт, как умерли Аман и Гитлер. Сказано в третьей книге Ездры: *“Город построен и расположен на равнине и наполнен всякими благами, но вход в него тесен и расположен на крутизне, так что по правую сторону огонь, а по левую – глубокая вода. Если город этот будет дан в наследство человеку, то как он получит своё наследство, если никогда не перейдёт лежащие на пути опасности. Я сказал так Господу, и он сказал мне: “Такова и доля Израиля. Для них я сотворил века, сиречь жизнь.”*”

Содержание	стр
Глава 1	5
Глава 2	23
Глава 3	37
Глава 4	50
Глава 5	71

**Краткий список книг Фридриха Горенштейна,
составленный на базе электронного каталога
Нью-Йоркской Публичной библиотеки.**

Большая часть книг выпущена издательством “Слово-Word” (они отмечены звездочкой. Их можно купить, обратившись по адресу: 139 E. 33 str., 9M. New York NY 10016). Остальные можно получить для чтения в любой публичной библиотеке Америки.

1. **ПСАЛОМ:** Роман-размышление о четырех казнях Господних. Мюнхен. Издательство “Страна и мир”, 1986. – 456с., ил.

2.* **ТРИ ПЬЕСЫ:** (Споры о Достоевском. –Бердичев.–Детубийца).– New York: “Слово-Word”. 1988. – 461 с.; ил.

3. **ИЗБРАННОЕ.** В 3 томах. Тт. 1-3ю – Москва: Изд-во “Слово/Slovo”. 1991—1993.

Т.1. **Место:** Политический роман из жизни одного молодого человека. 1991.

Т.2. **Искушение.** Повести, рассказы, пьеса. 1992.

Т.3. **Псалом:** (Псалом: роман-размышление о четырех казнях Господних. – Детубийца: пьеса). 1993.

4.* **ДРЕЗДЕНСКИЕ СТРАСТИ.** – New York: “Слово-Word”. 1993. – 209 с.

5.* **ПОД ЗНАКОМ ТИБЕТСКОЙ СВАСТИКИ: записки белоказачьего офицера:** Киносценарий. Нью-Йорк. “Слово-Word”, – 1997. – 210 с.

6.* **СКРЯБИН:** Кинороман. – New York: “Слово-Word”. – 1998. – 110 с.

7.* **ЛЕТИТ СЕБЕ АЭРОПЛАН:** Свободная фантазия по мотивам жизни и творчества Марка Шагала. – New York: “Слово-Word”, – 2000. – 120 с.

8.* **НА КРЕСТЦАХ: ХРОНИКА ВРЕМЕН ИВАНА IV — ГРОЗНОГО.** В 2-х томах – New York: “Слово-Word”. – 2002. – 1067 с.

Т.1. Действия с 1-го по 9-ое. – 578 с.

Т.2. Действия с 10-го по 16 -ое – 489 с.

9.* **ПО КОМУ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ:** Трактат-памфлет о жизни и смерти Божьего мира и ближневосточного мира. – New York: “Слово-Word”. 2002. – 92 с.

ЖУРНАЛ “СЛОВО-WORD”

Демократическое издание на русском и английском языках.

Литература. Искусство. Общественные проблемы.
Журнал считает своей главной задачей способствовать взаимопониманию между американской и русской культурами.

The only bilingual (Russian and English) magazine in the United States, dedicated to an exchanges of ideas and mutual understanding between Russian and American cultures.

Liberal publication: literature, art and social problems.

29-30
220 pages \$8

33
168 pages \$7.00

31-32
208 pages \$8.00

Годовая подписка \$35 (включая пересылку)
Чек следует выписать на имя:
Cultural Center For Soviet Refugees Inc.

Заказы направлять по адресу:

Slovo-Word Publishing House
139 E. 33 Street, 9M New York, NY 10016
Tel. : (212)684 - 2356 Fax : (212)686-0199
E-mail: slovoword@worldnet.att.net

Издательство “Слово-Word” принимает заказы на издательство книг на русском и английском языках.

Адрес и телефоны те же, что и в журнале

В издательстве

СЛОВО
WORD

вышла книга

**Антонины Николаевны
Пирожковой**

**СЕМЬ
ЛЕТ С
ИСААКОМ
БАБЕЛЕМ**

Цена \$14

**Чек следует выписать на имя:
Cultural Center For Soviet Refugees Inc.
необходимо добавлять \$1.50 на пересылку**

Slovo-Word Publishing House

139 E. 33 Street, 9M New York, NY 10016

Tel. : (212)684 - 2356 Fax : (212)686-0199

E-mail: slovoword@worldnet.att.net

В издательстве

**СЛОВО
WORD**

вышла книга

Фридриха Горенштейна

**НА
КРЕСТЦАХ**
хроника
времен
Ивана IV-
Грозного

Цена каждой книги \$15

(1060 стр.) в двух книгах

Чек следует выписать на имя:

Cultural Center For Soviet Refugees Inc.

необходимо добавлять \$1.50 на пересылку

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:

Slovo-Word Publishing House

139 E. 33 Street, 9M New York, NY 10016

Tel. : (212)684 - 2356 Fax : (212)686-0199

E-mail: slovoword@worldnet.att.net

**Фридрих Горенштейн
1932-2002**